

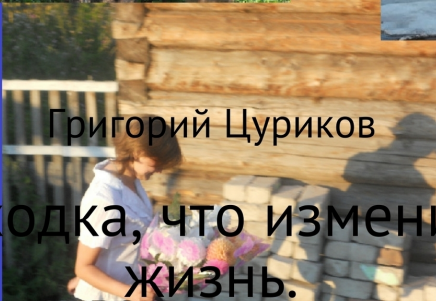
СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+



Григорий Цуриков

Находка, что изменила
ЖИЗНЬ.



Григорий Васильевич Цуриков

Находка, что изменила жизнь

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=50633735

SelfPub; 2020

ISBN 978-5-532-07745-4

Аннотация

Главный герой (охотник-промысловик) в один момент теряет все, что дорого его сердцу. Но это не все неприятности. Они не перестают его преследовать. У него ломается снегоход, а затем и собаки погибают от лап медведя-шатуна. И когда он был готов уже сдаться, посреди тайги из ниоткуда появилась девушка, и все тут началось.

Содержит нецензурную брань.

С чего начать? С чего начать? Вопрос конечно интересный. Вопрос о том, где есть начало. С чего все началось? Наверное, с рождения, но увы про него я рассказать и не могу. Всё просто, я не помню, как на свет родился. А вот интересно, кто-нибудь хоть помнит свой первый вздох. Но ладно, я отошёл от темы. Начну по классике, представлюсь и расскажу о нашем поселке. Надеюсь, вы не против.

Родители назвали меня Дмитрий. Родился и вырос в станке Бахта. Станком в старину называли почтовые селения вдоль Енисея, вот и мы по сей день так его называем. До ближайшего полицейского или врача сто пятьдесят километров от станка. В станке около шестидесяти домов и где-то триста жителей. Из них около пятидесяти получают зарплату или пенсию, а остальные вынуждены зарабатывать подсобным хозяйством, рыбалкой и охотой. Других методов выжить тут нет. Я родился и вырос в этом станке, отсюда уходил в армию и тут же меня встречали из неё. Мои родители тоже отсюда, тут родились и прожили всю жизнь. Отец, как и я покидал это место только для службы в армии, равно как и дед. Тот только не в армию, а на войну уходил. Бил фашистов всю войну с первого дня. Он по срочную службу служил, когда все началось. Дед не мог без слез рассказывать о тех днях. Я часто в детстве любил, когда дед подопьет, начинал расспрашивать у него о тех днях. Он был отличный рассказчик. На войне он повстречал мою бабушку и в последний год войны у них родился мой отец. Бабушка умерла во

время родов и дед воспитывал отца один. Дед научил отца рыбачить и охотится. Охота не та, что привыкли городские жители, а профессиональная по добычи пушнины. Это когда по полгода в тайге живёшь и зарабатываешь только тем, что готовишь пушнину на продажу. Дед умер, когда мне было шестнадцать. У отца и у мамы я был поздний ребенок. Отцу было сорок шесть, а маме не многим больше тридцати шести лет, когда я родился. Я был долгожданным ребенком. У родителей долго не получалось зачать ребенка. Как мама рассказывала, они с папой уже даже перестали пытаться зачать ребенка, а тут я. В одна тысяча девятьсот девяносто первом году появился я на свет, двадцать девятого января. Я рос в станке, редко, в основном в навигацию мы выбирались в город. Хотя и пару раз летал и на вертолете все в тот же город. Да у нас с городом только одна дорога, Енисей.

Летом навигация, зимой зимник. А ещё зимой раз в неделю вертолет. Жизнь в нашем краю суровая, зимой погода опускается до минус пятидесяти градусов. Лето короткое, за которое надо успеть сделать очень много. Наловить дров, когда идёт сплав по реке, накопить сена на зиму нашей скотинке, огород и много, много ещё всякого что будет в зиму кормить. Летом наш главный заработок – это рыбалка. И конечно, мы все под частую вынуждены заниматься браконьерством ставя самоловы на осетровых. Самолов – это такая веревка с крючками являющиеся ловушкой для рыбы. Так же сети. Конечно, иногда бывает и рыбоохрана и тогда

мы теряем доход. А не браконьерствовать невозможно. Просто по-другому выжить тут невозможно. Ведь мы тоже люди и хотим элементарно кушать, а мука только привозная. А ещё надо одежду, топливо, другие продукты кроме муки. Элементарно растительное масло или же соль и много ещё разных мелочей. Мы не богатые тут. Тут безумно суровая жизнь. Тут нет тех, кто не добывает рыбу. Летом это осетрина и сиговые, зимой, весной и осенью налим, щука. Налим и щука есть всегда в каждом доме, ими мы кормили собак, да и сами едим не редко. Я не буду рассказывать о том, как мы рыбачили зимой, осенью и весной. Рыбалка она и есть рыбалка, с той лишь разницей что в отличие от городских жителей это не метод развлечься, а метод выжить. А значит и рыбачили мы не сколько для удовольствия, а сколько для улова. Конечно, будет не правдой если я скажу, что не получаю удовольствия, когда богатый улов, но также представите сами каково это, когда ты вынужден колупаться в воде, а при этом на улице давит под минус пятьдесят. Представили? Как обжигает мороз, а ты вынужден проверять ловушки, куда рыба не пропала, ведь кушать хочется. И собачек кормить надо. А ещё в Бахте абсолютно все умеют стрелять. Здесь может один или два двора в котором нет оружия.

Тайга повсюду. Вокруг только тайга. И все Бахтинцы хоть немного охотники. Все умеют ставить петли и кулёнки, это такие ловушки для зверушек. Электричество у нас от дизеля. Телефон и интернет, это сказка. Связь только по рации, ну

или почта. Самый востребованный товар тут хлеб, его пекут тетя Валя и тетя Лена, в пекарне, нашей местной. Конечно, тут есть школа, в которую я ходил, не смотря не на какие морозы.

Закончил я девять классов и последний год перед армией ходил с отцом на зимний промысел. А по весне меня призвали в армию. Я отслужил положенные два года в пограничных войсках, даже сержанта дали. Вернулся домой я тоже весной и влюбился в соседку. Люда была на два года младше меня. До армии я на нее даже не смотрел, но, когда вернулся. Да что я обманываю, я вообще не умел общаться с девушками, и если бы Люда сама не подошла ко мне, и не сказала: «бро-сай бухать и я стану твоей женой», то не в жизнь у меня с ней не чего бы не вышло. А так через полтора месяца после армии гудело все село. Свадьба вышла на славу. Все желали здравицы, любви, детей.

В тот год отец пошел один на промысел, а после нового года я пошел уже с ним. Пушнины мы заготовили не мало, год продуктивный был. Мы с Людкой жили у моих родителей, они души в ней не чаяли. Они искренне её полюбили. Дом у нас большой, хозяйства, а родители уже пожилые, мне двадцать один исполнилось, а отцу уже шестьдесят семь. Мы на семейном совете посоветовались и решили, что с этого года на промысел я иду один. Отец дома будет. Весной во время перелета птицы, я не плохо набил и на коптил утки да гуся. Летом заготовил сена для скота, конечно, на браконье-

рил черной икры на продажу, да и так рыбы на коптил. У родителей Люды отличная баня по-черному и в ней идеально коптить. С зимы батя сильно сдал, резко. Хотя и мама не молодела. В октябре мы дождались дождей, чтоб вода в реках поднялась и началась заброска. Я загрузил в плоскодонку снегоход, продукты, бензин, нарты, лыжи, да ещё много всякого охотничьего инвентаря, а главное двух собак, свою Люсю – так я звал московскую лайку и отцовскую Пулю – так он назвал свою лайку. Эта была просьба отца взять и его собаку. Процесс погрузки и доплыва не буду описывать, так же не буду описывать этот охотничий сезон. До нового года набил много пушнины, а в новый год на снегоходе домой.

Дома меня встретили как полагается, жена одарила лаской и страстью, на следующий день баня. Новый год мы встретили за шикарным столом, а когда пробили куранты Люда села на мои колени и сказала:

– Что уже третий месяц пошел, как у нее под сердцем был наш ребенок.

Я тогда обрадовался, и закричал:

– Папа, мама у вас будет внук.

Отец забыл видимо, что он старый и в момент оказался возле Люды, и закружил её на руках. Через пол часа пришли соседи, те, что родители её и брат Люды. И конечно, мы это дело отметили, очень отметили, да так что я половины отмеченного и не помню. Но Люда не пила. А после нового года я снова отправился на отцовский, а ныне свой участок за

рухлядью. Рухлядью называют пушнину. В конце сезона, в марте у меня из строя вышла рация. Единственное средство связи. Тогда я подумал, что это ерунда, мол мелочь. Но, тогда я и не подозревал о том, что в скорее произойдёт. Я забрал рацию и отправился домой. Лёд был крепкий, и дорога до дома оказалась простой. Дома меня не ждали, но всё равно были рады.

– А ты чего нас не предупредил? – спросил папа.

– Пап, рация сломалась.

– Ерунда, новую купим.

Жена была на шестом месяце и уже было заметно пузико, красивое. Ночью меня пузико, даже пинало. Через несколько дней я поехал на участок, запасать дрова в охотничьи домики и до десятого апреля был там. По приезду, по тому грёбённому приезду я узнал, что всё, абсолютно всё что было мне дорого в этом мире, всех кого я любил, погибли. Кто мне сообщил не помню. Помню одно только, слова, страшные слова.

– Дим, тут такое дело. Люде стало плохо, твой отец завел газик, посадил Люду, мать и поехал по зимнику в город. Где-то в километрах тридцати от станка машина провалилась под лёд.

Я подумал, что шутят, злобно шутят. Но, увидев лица я, понял это не шутка. Тогда я не помню, что было со мной, по моему, я упал на колени и выл, выл как тот раненый зверь. Как и что было не помню. Родные уже неделю как были зары-

ты в земле, а я не знал. Не знал, что тот кто воспитал во мне охотника, тот кто научил меня всем премудростям мужской судьбы, тот кто учил меня рыбачить, тот кто сделал из меня мужчину, его больше нет. Нет и той, что дала мне жизнь, той, что посетила и воспитывала меня, что не спала ночами, когда я болел, та, что со слезами на глазах провожала в армию меня и со слезами же встречала, что рада была больше меня, когда Людмила про ребенка сообщила. И нет той, что ждала нашего ребенка, той, что сама набралась смелости, и сама сделала шаг на встречу ко мне и моей любви. О боже объясни за что? За что ты не на видишь меня? Чем я прогневал тебя? Почему все, что было дорого сердцу моему, погибли. За что? Я помню лишь мимолётные мгновения, и то не помню в тот день были те мгновение или в другой. Помню мгновение как я на могилах, ка коленах стою и в истерике что-то кричу. Помню момент как я горькую пью, опять могилы и опять горькая. Помню с кем-то подрался и снова горькая. Я бухал, беспробудно бухал, бухал и ещё раз бухал. Время с апреля по октябрь выпало из реальности. Я помню только горькую, могилы на которых я очень часто был и дом, который запустел в одиночестве. Если бы не тесть с тещей, я наверное бы и скотину, да и собак бы потерял. Они бы сдохли от голода, да и сам бы я сдох скорее всего. А в начале октября Семён брат Люды вывел меня на берег реки и хорошо отметелил, затем покупал мордой в Енисее, а потом спросил:

– Ты урод. Ты блядь думаешь, Люда хотела бы, чтоб ты

так жил? Ты думаешь ты один страдаешь? Или ты думаешь, мать с отцом твои мечтали, чтоб их сын в алконавта превратился, после их смерти? Ты бы на их месте, был бы рад, если они начали спивается, а? Так как ты, ты бы хотел, чтоб они спивались потеряй они тебя, а не ты их? Так что?

Я не смог ему ответить, слезы были тогда ответом. Я рыдал, Семён рыдал со мной.

– Ты блядь, думаешь ты один? Ты один? Нет мы тоже страдаем. Знаешь как мать убивалась горем?

Я не чего не мог сказать.

– Ты хоть помнишь, как папа тебя с петли снял?

Я отрицательно покачал головой.

– Ты думаешь, Люда хотела бы чтоб ты умер?

– А для чего мне жить? – я выдавил из себя.

– Живи за них. Живи для них. Исполни их мечты. Ты жив, живи храня память о них.

Он обнял меня как брата, я чувствовал, что ему не многим то легче чем мне.

– Спасибо. – все что я смог выдавить сквозь слезы и боль.

В тот день он утащил меня в баню и больше я не бухал. Было дней пять жуткого похмелья. Семён помог мне подготовиться к промыслу, помог закупить продукты и топливо. Тесть с тещей пообещали за скотиной присмотреть. Часть скотины забил в уплату за ее прокорм и за продукты. Семён пообещал топить дом, пока я буду на промысле. Я был благодарен Семёну, именно он вернул меня к жизни. Именно

он смог донести до меня мысль о том, что на их месте не за что бы не пожелал, что кто-то из них сдался. И, главное, до какой степени я спился, если не помнил, как в петлю залезть пытался. Но как бы это не было странно, с того момента как я перестал бухать, я все чаще думаю о смерти, и все больше думаю о том, как не смог проститься с родными. А ещё, я очень много думал есть ли бог, а если есть, то, чем мы его прогневали. Ладно я, отец и мать, ладно Люда, но в чем вина ещё не родившегося ребенка? Почему все так случилось? Почему рация сломалась именно перед этим? Не уж то, для того, чтоб я не мог с ними проститься? Ведь будь у меня рация, я бы был на похоронах. Да, кстати, на этот сезон я тоже без рации. Но, собственно говоря, отсутствие рации теперь не беда.

Четырнадцатого октября пошли дожди, а восемнадцатого я и другие промысловики погрузились на плоскодонку, выпили по рюмке. Я воздержался и меня все правильно поняли, а за тем тронулись в путь. Со мной была моя Люська и папина Пуля, его любимая лайка. Она отличная соболятница. За четверо суток я добрался до места зимнего хранения лодки, разгрузил её и тронулся на снегоходе в путь, к главному домику. От берега притока Енисея было около семи километров. И тут вновь я осознал, что бог меня за что-то возненавидел. Примерно, полтора километра не доезжая снегоход показал кулак дружбы. Это когда в двигателе что-то заклинило, так что из него кусок отрывается, и какая-то хрень торчит.

Из него торчал шатун. Когда он застучал, за грохотал, я думал, что обосрусь, но вроде не испортил штаны. Пришлось мне превращаться в лошадку или если быть точнее в ишака, потому что такой же тупой. Вот, значит подтаскиваю мы с собаками снегоход на веревке, а за ним нарты к домику, а там картина маслом. Мишка бывал сразу видно. Окно из пленки выставил, бочку разодрал, да и так на пакостил. Подобное тут не редкость и это за неприятности считать глупо. А вот снегоход – это отвратительно. Благо все продукты и вещи на основном доме, и я не чего не успел не куда увезти. Так хоть все припасы в одном доме, а то промеж домов около пятидесяти километров и за день через чур много для пешего. Придется в этом году не ходить на круг, а жить тем, что с основного дома достанется, только надо дров заготовить. Да вот и бревно, как раз на дрова пойдет, что недалеко от дома лежит.

Я решил, что не сдамся, не отец, не мать и тем более не Люда, не захотели бы, чтоб я сдался и я не сдамся. Без разницы что произойдет, я всяко разню не сдамся, я не проиграю это сражения. На утро я ходил к реке, сейчас погода такая, что глухарь выходит к реке чтоб гальки наесться на зиму. Подстрелил пять птиц, четыре налима и свалил несколько деревьев на дрова. Устал. Соболь ещё не выходной, мех ещё не до конца в зимний превратился, ещё недели две у меня есть и поэтому за это время надо подготовиться к тяжёлой зиме. На сей раз мне действительно будет не сладко. Я

правда и не мог предположить, что лимит неприятностей не исчерпан.

Эти две недели были как заведенные. С лета я не приготовил нормально угодые вот и приходилось готовить куленки и дворики на соболя. Это такие дедовские ещё методы ловушек для соболя. При этом мех вообще не портится, а в отличие от стрельбы. Бил глухаря и ловил рыбу. Затем все это подвешивал у себя возле домика, благо погода стабильно минус. На реке уже кое-где начал вставать лёд и вот ноябрь в силу вступил, соболь выходной, и снег пока не глубокий. Идеальное время для охоты с собаками. Как бы это не странно, но за полтора месяца что можно охотится с собаками пушнины берешь парой больше, чем за весь оставшийся сезон.

В ноябре река полностью стояла. Глухарей уже не увидишь на берегу, да и берег толком и не отличим от водной глади. Лыжи верные друзья. На лыжах, что мой отец сделал своими руками пройдена не одна тысяча километров. Охота с собаками намного проще, они чувят соболя даже когда тот, появится на самой вершине сосны или кедра. Лайка подаёт голос, когда видит зверя для того, чтоб отвлечь того от охотника, но, если лайка может сама поймать соболя, она не издаст и звука. Не редко, соболь прячется в корягах и тогда приходится махать топором, и орудовать чем-то на подобии палки или шеста, чтоб выгнать соболя из коряги. Вот именно такая охота была у меня до десятого ноября. А там было

следующие.

День как день. С утра, до рассвета позавтракал, кто бы что не говорил, но дал по не многу и собакам еды. А на чушь, что собак перед охотой не кормят не обращайтесь внимание, главное не перекормить, а немного рыбки с утра хуже не будет. Собака, хорошая собака даже объевшись будет охотиться, просто отяжелев и поэтому не так эффективно. Так вот позавтракал и покормив собак, я отправился на промысел. Примерно, к обеду за спиной я услышал треск и хруст веток. Я напрягся, а звук приближался. Очко сжалось до игольчатого ушка. Я догадывался, что это шатун и припустил оттуда что было мочи, но он нагнал меня и примерно, через минуты пять я его увидел. Кто скажет, что не чего страшного, тот значит не видел мишку в его истинном виде. Тот бежал за мной, не издавая ни звука, только пыхтел. Пуля первая бросилась на медведя. В тот же момент я направил на него ствол свой вертикалки двенадцатого калибра и нажал на спуск. Мой страх не позволил мне прицелиться, да и заряд был дробью. Поэтому, то, что в него попало лишь разъярило его, он громко зарычал. Пуля почти подбежала к медведю, когда за ней побежала и Люся. От страха руки тряслись, мне не удавалось сложить ружьё чтоб перезарядить. Пуля укусила медведя за лапу, тот практический с пол укуса переломил ее пополам. Каким-то краем сознания я видел, как у Пули выступают кровавые пузыри из пасти. С горем пополам мне удалось вытащить гильзу, но вот вытащить патрон из патрон-

таша, мои не послушные руки не могли. Руки тряслись так сильно, что описать сложно. Медведь тем временем тряс головой с зажатой в челюстях Пулей, та не подвала признаков жизни. И в этот момент, к нему в шею попыталась вцепится Люся, так он бросил Пулю и схватил Люсю за морду, я даже заметить не успел. Но, я отчётливо услышал треск раскалывающего черепа и увидел конвульсии моей лучшей подруги. Этот треск, видно, и привел меня чуть в чувство, и я, совладав немного с дрожью, вынул пулевой патрон из патронташа и вставил его в свое ружьё. Медведь уже направлялся ко мне, когда я направил на него ствол и выстрелил. В десятки метров от меня упал замертво медведь. Двенадцатый калибр с такого расстояния в голову остановит кого угодно. Я все равно трясущимися руками кое как перезарядил ружьё и направил его на медведя. Страх сковал мое сердце. Эти мгновения казались длиться вечно, время словно смола, тянется. Я долго боялся сделать шаг, ствол был направлен на тушу медведя. В ушах стоял стук сердца. Через сколько я сделал шаг не знаю, казалось прошла вечность. Я пересилил себя, сделав шаг, затем ещё и ещё, пока не приблизился почти в плотную. Постоял так ещё не знаю сколько, затем все же пересилил себя и подошёл в плотную. Ткнул медвежью тушу стволом и тут же отскочил. Страх не покидал меня ни на секунду. Но, медведь не подвал признаков жизни. Тогда я, чуть осмелев подошёл ближе и ткнул его ещё раз, но не отпрыгивал на сей раз. Медведь не шелохнулся, тогда я его пнул, но не чего не

произошло. Я отошёл на пару шагов назад и тут нахлынул отходняк. Сразу подкосились ноги, и я в ту же секунду упал на жопу, не в силах устоять на ногах. Руки тряслись, зуб на зуб не попадал, но при этом мне не было холодно, напротив не смотря, что на улице минус двадцать пять мне было жарко. Я только сейчас заметил, как Пуля лежит и дёргает лапами. Она была ещё жива, хотя и находилась на последнем издыхании. Я было попытался встать, но ноги меня не слушались и не удалось на них встать. На четвереньках я пополз к собаке, руки подкашивались, но я дополз. Она меня признала. Я сел на жопу, взяв ее голову на колени, она ели поскуливала. Мои глаза были мокрыми, слезы текли, душа полыхала. Я был подавлен, боль жгла, жгла изнутри, боль потерь, я снова потерял близких мне созданий. Последних близких созданий.

Мое отчаяние начинало брать надо мной верх. Я взвыл. Взвыл от отчаянья. Сколько я так сидел и гладил морду умирающей Пули я точно не знаю. В какой-то момент я вроде вернул над собой контроль. Я разделал медведя, погрузил мясо и шкуру на нарты, повез, погрузил тела моих спасительниц. Я решил для себя, чтобы не случилось я их похороню, правда ещё не придумал как, буду рыть могилы. Но, я не за что не оставлю их на корм зверью. До дома я дошел, или если быть точным дополз ели живой, мясо подвесил, шкуру занёс в дом чтоб обработать, а тела собак оставил в сенях. Решил вопрос с похоронами оставить на завтра. Растопил печь, на-

лил себе пол кружки горькой и одним глотком выпил. Затем сел на кровать и все, меня отключило. Видимо от пережитого мой организм до такой степени устал, что не в состоянии был больше быть в сознании и меня погрузило в сон.

Проснулся под утро от холода, трясло. События из вчерашних событий накатывали волнами. Я очень переживал из-за того, что я остался один. Один не только в тайге, но и на всем белом свете. Собаки пожертвовали собой ради меня их хозяина, а я сейчас сижу и думаю о том, как я не хочу жить, как надоело мне бороться с этой судьбой. Можно, конечно, мечтать, что тестю с тещей, да и Семёну есть до меня дело, но это не так. Да они помогли мне, но это потому, что я был им когда-то зятем, но скоро они вообще забудут про существования такого, как я. Вот и получилось, что в этом мире я один. Где-то есть ещё мамин брат, родной, но за свои двадцать два года я его не разу не видел. Мамины родители тоже уже давно покоились в могиле. Я сидел и думал о вечном, глядя в щель печи, где виднелся огонь. Огонь, как и вода обладает поистине уникальной силой, он помогает прогнать тревогу. В какой-то момент я понял, как похоронить собак. Я решил их тела сжечь. Не далеко от дома я собрал погребальный костёр. Положил тела собак. Я благодарил их, за то, что они спасли мою никчёмную жизнь, слезы текли и я долго не мог заставить себя поднести огонь к веткам. Я вытащил сигарету, закурил, за пару затяжек с курил её полностью. И после, поджог все же эти дрова. Они были

облиты бензином и в момент вспыхнули. Я не мог отвести мокрых глаз от горящего погребального огня. Пламя огня, как бы притягивало мое воспалённое болью сознания. В нем исчезали те, что спасли мою жизнь, те последние воспоминания или точнее, те кого отец так сильно любил. Погибли. Но, а я снова жив. Зачем я все же живу? Глядя на костер, я хотел даже молитву прочитать, потом подумал и решил, что тот, кому молятся люди меня ненавидит и отвернулся от меня, так почему я должен ему возносить хвалебные речи. Я про себя попросил, чтоб отец забрал их к себе, чтоб он там позаботился о моих боевых подругах. А ещё, я просил отца позаботится о маме, Люде и моем ребенке. Я стоял так пока костер полностью не прогорел. Последние уголки дотлевали, а я все не мог отойти от этого места.

В сознание все стояли моменты вчерашних событий и разорваны тела собак. Не знаю точно сколько времени я так стоял, но, когда сознания маленько прояснилось, я осознал, что замерз, как зюзик. Пепел присыпало свежем снегом. В этот день снег шёл, даже не так, валил снег. Я побрел в домик, сил на то, чтоб обойти ловушки не было. Печь прогорела и поэтому я заново ее растопил. В охотничьих домиках пока печь топится тепло, а как прогорела выстывает в момент, за окном все же минус тридцать. Включил единственное вещь из двадцать первого века, MP3 проигрыватель, у нас с отцом было четыре аккумулятора для раций, а это чудо техники на них может и не выключаться до самого лета,

да плюс есть генератор бензиновый с зарядными устройствами. А вот снегохода тю-тю, поэтому бензина для генератора с избытком. Поэтому в моем домике заиграли композиции шансона, те, что по приличнее, настроения на веселые композиции у меня не было. Я достал начатый пузырь горькой и накатил стакан. Собрал остатки своей воли или даже не воли, а скорее слабейшего желания жить. Знаете, вчера при встрече шатуна, я безумно не хотел помирать, а сейчас ищу смысл жить. Очень хотелось просто взять ружьё, зарядить пулю, подставить ствол под подбородок и спустить курок. Тут Семён, наверное, сыграл главную роль. Тогда он на берегу, когда мосю мне расквасил, сказал те слова, что сейчас не давали мне свершить эту глупость. «Живи для них, живи за них». Он был прав, и поэтому я решил, что не стану этого делать, а продолжу сезон. Не гоже бросать угожья отца, он всю свою жизнь вложил в эти угожья. В тот вечер я допил пузырек, но водка что вода, даже не понял, что выпил.

С утра я взял себя за, но вы поняли и пошёл по ловушкам собирать поповшегося в них соболя. Для понимания, нужно понимать, что у охотника начинается с рассвета день и продолжается до заката. Проще говоря, весь световой день охотник ходит по своей угожьям. Поэтому, на рассвете я ушел на лыжах по угожьям ходить, собирать то, что попало, стрелять, то, что увижу и складывать все на нарды. А вечером, когда солнце село, я в домике обдирал шкурки с добычи. Подобный распорядок дня был почти постоянный, раньше, а

вот в этом году видно не будет такого распорядка.

Семнадцатого числа этого же месяца жизнь круто, на все сто процентов решила измениться. День начинался, как всегда. Утро, завтрак, затем подтопил печь и тронулся в обход по угодьям. Сначала в одной куленке попался соболь не плохой, затем во второй. А вот часа через два, может чуть больше, случилось это. Этим была очень необычная находка. Я шел по лесу, когда заметил в снегу какое-то красное пятно. Я, конечно, остановился и присмотрелся. О боже! – это человек. Человек по среди тайги. Человек без сознания и, мягко говоря, одет не по сезону. У нас в такой одежде бывают одеты только в начале лета, ну или в конце мая, или начали сентября. Пока около десяти плюса погода стоит. В первые секунды я остолбенел, затем секунд примерно через десять побежал к нему. Это была девушка, лет двадцати пяти может чуть больше. Она была еще жива, хотя ее состояния оставляло желать лучшего. Она была без сознания, потому что замерзла. На ней были сапожки осенние на шпильках сантиметров пятнадцать, капроновые колготки, короткая юбка, красная куртка кожа заменитель, без шапки. Мысли в моей голове пронеслись как ураган. Я скинул свой тулуп и завернул эту красавицу с огненными волосами в него, надев на нее еще и свою шапку. Да она была красивой. Веснушчатое лицо, огненно-рыжие волосы чуть ниже печей, не плохие формы, не худая, но и полной не назвать. Я погрузил ее на нарты и бегом к домику. Минут за двадцать, может дольше, может

быстрее я добрался до домика. В домике было тепло, печь не прогорела. Но я сам замерз как зюзик, все же сам без тулупа был. Я помню отец еще говорил, что, когда промерзнешь на сквозь и затем в теплое место попадешь надо раздеться, для того, чтоб тело быстрее согрелось. Я начал быстро раздеваться и считай в момент оказался в одних трусах. Затем приступил к раздеванию своей гостьи. В тот момент не каких пошлых мыслей, меня даже не посетило. Я довольно ловко раздел безвольное тело до нижнего белья, затем подумал, и лифчик тоже снял. Уложил ее на кровать, достал гусиный жир, его мы специально заготавливаем, как против обмораживающее средство. Начал обрабатывать ее тело, на нем уже было заметно много обморожений, как на ногах, так и на руках и даже на лице. Укрыл ее, затем пошёл топить печь.

Я был в шоке, увидеть девушку среди тайги да в таком виде. Я очень сильно надеялся, что она придет в сознания и объяснит, как она оказалась в тайге в таком виде. Спустя несколько минут я лежал в постели и грел своим телом эту находку. Я где-то читал, что лучше всего греть теплом своего тела в таких случаях. В тот момент я не секунды не сомневаясь лег рядом с этой девушкой и не каких мыслей о том, что она может быть чем-то больна, не было. Это скорее всего связано с тем, что я привык жить в небольшой общине и какая-то зараза для нас была не известной. Поэтому и я не мог даже в мысли представить, что она может быть больной. Я обнял эту девушку, мое сознания было перегруженным, и

я считай сразу утратил его. Мое сознания поглотил сон. Мне снился отец, только молодым. Он на лодке с мамой, мама тоже молодая. Они плывут по Енисею, а я на берегу бегу за ними.

– Папа. Плыви сюда. Я тут.

– Дима. Сынок, тебе с нами нельзя. – Мне с лодки кричала мама.

– Мама. Папа. Куда вы?

Я упал на колени и стоя на них на берегу все кричал.

– Стойте, заберите меня.

– Живи. – Донеслось мне с лодки в ответ.

А вот пробуждения было очень неожиданным. Я почувствовал, как мне больно, что-то тычется в бок. Я открыл глаза и в первый миг даже не понял, что это. Какая-то обнаженная девушка стоит перед кроватью и тычет в меня ружьём. Пока я спал, я забыл, что принес в дом какую-то девчонку и поэтому я воспринял это все как сон. Поэтому, я просто повернулся на бок накрылся одеялом с головой и дальше начал отключаться. В меня заново ткнули стволом и тут уже сознание начало просыпаться, и я начал вспоминать эту девку.

– Ты зачем ружьё схватила?

– Почему ты меня похитил? – в паники выполнила она.

– Ты дура! Или как? – чуть разозлившись выполнил я.

Она, сделав шаг назад заплакала, но ствол не опустила.

– Я застрелю тебя если не скажешь, зачем ты меня похитил.

Я засмеялся. Меня начал раздражать смех. Она отшатнулась от меня еще на шаг назад и чуть тише стала всхлипывать. А меня начал раздражать гнев, ярость и злость. Меня разозлила эта ситуация, я ее спасал, а в благодарность на меня ружьё наставили.

– Стреляй! – закричал я.

Она перестала всхлипывать и при этом напряглась.

– Стреляй говорю. Что ты? Только на словах такая? Стреляй, давай оборви – это никчемное существования. Ну давай! – громкость моего крика усилилась.

Она полностью опешила. Ее руки начали опускать оружие, и она снова заплакала.

– Почему вы меня похитили и изнасиловали? – голос был полностью подавлен.

– Кто тебя похитил? И как ты оказалась по среди тайги в ста пятидесяти километрах от ближайшего населенного пункта? И кто, тебя изнасиловал? —грубо спросил я.

Она зависла. Было заметно что она в полном шоке. А еще она ноги сжимала так, как это делают люди, когда уже ели терпят чтоб не описаться.

– Так дура. Всё, клади ружьё и накидывай вон тот тулуп. – чуть спокойнее сказал я.

– Зачем? – В полнейшем шоке сказал я.

– Ты же не собираешься мне тут насать? Или ты просто так жмешь ногу к ноге?

– Хочу. А зачем одевать тулуп? Что туалет на улице? –

шок, та и не отпуская её.

– Улица и есть туалет, другого туалета тут нет. Так что идем? Или ты одна сходишь?

Она посмотрела на меня и в её глазах отразилась работа мысли. Затем она выдала.

– Подожди. Ты говорил тайга?

Я положительно качнул головой.

– Тут и волки есть?

Я просто ткнул на шкуру с головой медведя. Она со страхом на нее смотрела пока я ее не отвлек.

– Так что ты идешь?

– Да. – Слегка заикавшимся голосом произнесла она.

Я первым вышел, пристроился чуть в стороне от домика, она вышла следом и спросила:

– А где туалет?

– Везде. Где застанет там и туалет? Вон села, где-нибудь и посела. Не напрягайся не буду подглядывать. – Я говорил еще злым тоном. Я был еще зол.

Она села чуть в стороне, и я услышал журчание. Затем мы вернулись в дом, не у меня не у нее зуб на зуб не попадал. Вроде, не дольше минуты на улице правили, но промерзнуть успели. Она молчала, да и я не шибко стремился к разговору, только ткнул ей пальцем на стул у стола. Она села, не снимая тулупа, я не стал ей что—то говорить на этот счет. Я понимал, что девушка в одних плавках не очень уютно себя чувствует в обществе, незнакомого мужчины. Сам тем временем

подкинул печь, поставил подогреть жареное мясо медведя. Оно считай сразу за скворчало. В голове таилось куча мыслей, и на ее лице тоже отражалась глубокая задумчивость и растерянность. Мясо быстро подогрелось и переместилось за стол. Я достал пузырь и две кружки, в которые насыпал красного перца и налил по половине. Подвинул ей одну кружку.

– Я не пью водку.

– Простите, бананов нема. – Язвительным тоном сказал я – Пей. Во-первых, с перцем это сейчас как лекарство. Всё же ты не слабо промерзла. А во-вторых, ты загружена. И если выпить немного, это облегчит психическое состояние. Пей.

Она выпила одни глотком, её чуть не вывернуло, но она совладала со своим рвотным рефлексом.

– Ешь давай. Тебе необходимо.

– А это что за мясо?

Я ткнул пальцем опять в ту шкуру. Она сглотнула.

– Ты пойми тут магазинов нет и нет другой еды.

Она молча взяла вилку со стола и начала есть. В начале, она вроде пыталась показать будто ей не нравится, но как говорится в пословице, «аппетит приходит во время еды». Она довольно плотно покушала. К концу, я поднес ей вторую кружку, а остатки водки убрал. Выпили, не чокаясь и продолжали кушать. Когда поели, я сел, вытянув ноги на стуле, сидел я в трусах, а она по-прежнему была одета в тулуп.

– Так кто тебя изнасиловал? – спросил я с издёвкой.

– Ты.

– Ха-ха-ха. Это когда?

– А почему я голая?

– Ха-ха-ха. Ну для начала не голая, а в нижнем белье. Да и я в трусах. А главное, мне надо было как-то твои обморожения обработать, да и согреть тебя. А для этого лучше всего подходит другое тело. Или ты думаешь не стоило этого делать?

Она потупилась, опустив глаза в пол и еле слышно сказала.

– Прости, я не подумала.

– Ты лучше расскажи, как ты тут оказалась?

– Я помню, что вышла из дома и пошла на работу. Прошла через двор, вошла в арку и раз я в лесу, и жуткий холод. Я прошла немного и уснула. Проснулась раздетая, рядом раздетый мужик и не далеко ружьё весит, но я его и схватила. Думала ты меня похитил и изнасиловал. Только сейчас вспомнила, лес и то не поняла, как там оказалась.

– Странная история. Прямо мистика. А где твой дом?

– Город Краснодар. Да, а где я сейчас? – запалено спросила она.

– Красноярский край, ближайший населенный пункт отсюда примерно сто пятьдесят километров, это станок Бахта.

– Станок? Что за станок такой?

– Так, со старины почтовые поселения вдоль Енисея называли станками, так и осталось названия.

– Но. а как я здесь оказалась?

– Я что похож на Нострадамуса?

– Чего?

– Говорю, что в мистике я не силен. А простого и логического объяснения как ты сюда попала, нет.

– А где мои вещи? Там телефон. Надо маме сказать, а то они с дочей будут переживать. – возбуждённо спросила она.

– Да вон твои вещи лежат. Сумочка в самом низу. Только связи тут нет.

Но похоже про связь она не услышала и бегом побежала к вещам. Довольно быстро, но при этом по её лицу было видно, что сквозь боль она одела вещи на себя обратно и затем достав телефон, подняв трубку к потолку, ходила по домику.

– Связи нет.

Она не слышала

– Ау! – я крикнул.

Она вздрогнула и повернулась на меня.

– А?

– Говорю тут нет связи. Только рации и та сломалась. И оделась полностью зря.

Последние слова она пропустила мимо ушей, а заплакав начала причитать.

– Ну как мне связаться с мамой? Она одна с Юлей. Как им сообщить, где я?

Я не стал не чего говорить, а она повторяла эти слова как молитву. Её глаза не переставали изливаться слезы. Я в то время подумал, что это божественное величество задумало на

сей раз. Мало того, что лишил меня всего, так еще и подсунил городскую истеричку, с которой я даже не познакомился еще. Я усмехнулся про себя. Её истерика раздражала, но я и сам не давно в немногим лучшем состоянии был, поэтому просто молчал и думал о том, что еще случится. Я не понял, когда она перестала выть и что-то у меня спросила. Я понял только когда она меня потрясла за плечо.

– Э-э-э. «Ты чего завис?» — с ноткой страха в голосе спросила она.

– А? Что?

– Я спросила ты же можешь меня доставить до вашей станции?

– Не станции, а станка. Нет. — довольно грубо ответил я.

– Почему? — спросила она с обидой в голосе.

– Под навесом стоит снегоход посмотри на него, сама поймешь.

– Ты скажи.

– У него двигатель сломан. Поэтому добраться можно только сплавом. Это конец апреля или начало мая. Ну конечно, я могу дать тебе одежду и лыжи, и ты можешь пройти пешком. На улице минус тридцать всего. Я за день не больше сорока километра прохожу, а ты?

– Но ты же умеешь выживать в тайге? — с надеждой в голосе спросила она.

– Ты видно не поняла. На улице минус тридцать, скоро до сорока опустится. Выжить можно, если уметь и, то не факт,

что дойдешь. Гораздо больше шанс замерзнуть. Поэтому хочешь, иди. Я не пойду точно. – с раздражением ответил я.

Она опять начала плакать.

– Я доберусь до дома, и мы тебе заплатим. – с мольбой сказала она.

– Кому заплатите? Труп? Не дойдем это точно, а у тебя еще обморожений куча. —все тем же тоном сказал я.

– Ну пожалуйста.

Я отрицательно покачал головой, глядя в налитые слезами глаза. Достал обратно бутылку, налил ей еще пол кружки. Она, не задумываясь выпила, глотком. Она сидела за столом одетая в то, в чем я ее нашел, сидела и рыдала, но уже молча. Я тоже не был болтуном, тайга тишину любит, вот и привыкаешь к тишине. Хотя порой сядешь под навесом, приобнимешь собаку и болтаешь с ней. На этих мыслях я снова начал погружаться в пучину боли, потерь и слеза невольно скатилась по моей щеке. Она видимо восприняла мою слезу на свой счет и чуть успокоившись сказала.

– Я поняла. Прости. – тоном сменившегося человека.

– Не напрягайся, а лучше скажи, как звать то тебя?

– Ой, прости мы что-то даже не познакомились меня зовут Маша, а тебя? – затараторила она.

– Меня Дима. «Знаешь: когда в тебя тычут стволом как-то про имя забываешь», —ехидным тоном сказал я.

Она слегка улыбнулась. Такой грустной улыбкой, но все же улыбка. И сказала.

– Я не.

Я ее перебил на полуслове.

– Да все я понял. Нормально всё. Ты давай, раздевайся. – довольно грубо сказал я.

– Зачем? – испугалась она, по её лицу было видно, что она подумала, как будто я сейчас начну её насиловать.

– Обморожения твои обрабатывать будем и спать пара.

– А спать ты где будешь? – непонимающим голосом спросила она.

– На кровати.

– А я?

– Ты видишь вторую кровать. Но если хочешь спи на полу, ну или жди утро я проснусь, а ты ляжешь. – ехидно сказал я.

– А раздеваться зачем?

– Во-первых, обработать твои обморожения, во-вторых, спать. Или вы в Краснодаре в одежде спите?

– В ночнушке. – чуть спокойнее ответила она, но по-прежнему боясь меня.

– Возьмешь мою майку, только ты в ней утонешь, будет тебе ночнушкой. Моя жена так раньше делала.

Она стояла и хлопала глазами, день был тяжелый и настроение было около нуля.

– Короче, не хочешь не надо, твои обморожения и тебе с ними жить. Врачей тут нет, быстро хуже станет.

– Я..... Я не знаю. – растерянно ответила она.

– Чего ты не знаешь? Обрабатывать будем обморожения

или нет, а может ты не знаешь будешь ли спать?

– Да, конечно. – все так же растерянно ответила она.

– Что, да конечно? Обрабатываем?

Она утвердительно кивнула головой, при этом прядь ее рыжих волос скользнула на глаза. Я достал гусиный жир, вот кстати интересно как он помогает, но это древний метод и не доверять ему, было бы глупо. Она так и стояла с прядью на глазах, о чем-то задумавшись.

– Если хочешь сама обработай, обморожения свои. Я только рад буду.

Она опять утвердительно кивнула головой, я же подал ей жир и майку. Она так и стояла не подвижно. Я не стал не чего говорить и просто улегся в кровать, отвернувшись к стенке. В свете керосиновой лампы отражался силуэт. Силуэт был не подвижен несколько минут, затем все же видимо взяв себя в руки, она начала переодеваться. Затем села на край, я повернулся и наблюдал красивую девушку в моей майке, в которой она утонула. Она аккуратно плацами взяла жир и начала втирать его в ноги. Я не выдержал подобного извращения и сказал.

– Короче хорош издеваться над жиром, да и над своими обморожениями. Давай сюда, я натру как положено.

Она, чуть отвернув лицо, на котором было заметно смущение, протиснула мне банку с жиром. Я её взял, зачерпнул жирка, взял её ногу в свою руку и начал втирать его в ногу. Она вскрикнула.

– Терпи, надо растирать хорошо или не поможет. У тебя очень сильные обморожения. Вон чуть не чернеют.

Она лишь стиснула зубы. Я же продолжил. Сначала ноги, затем руки, после лицо, а затем ягодицы и пузо. На этих моментах она попыталась сопротивляться, но я сказал.

– Хорош выпендривается.

Она тогда просто опустила руки и стояла, как бедная родственница. В момент, когда мазал ягодицы ей, мое мужское начало подало признаки жизни и Маша, это заметила.

– Прости. Ты девушка и очень красивая.

Она по-доброму улыбнулась и тихо произнесла.

– Спасибо. – но при этом в ее голосе был слышен страх.

– Да не буду я тебя насиловать, может хватит меня бояться. – раздражено сказал я.

– Прости – потупив глаза шепотом произнесла Маша.

Я встал, помыл руки и потушил лампу. Маша лежала у стенки, я лег, рядом повернувшись в сторону от нее. Сон все не приходил, а за место него было состояния полу реальности, это когда ты вроде и спишь, и нет. Все мысли роились в голове. Я все пытался понять, что все же это. За что, мне это прислали. Все же припасы на одного человека я готовил, я про хлеб и крупы, а тут еще один рот. В какой-то момент у меня, было промелькнула мысль, что не стоило её подбирать. Затем я подумал, что возможно её тоже за что-то наказывает, этот Бог. Ведь ей тоже, не сахар. Я не знаю, сколько времени прошло в таком состоянии, но в какой-то момент

мне приспичило. Я встал, за спиной услышал голос Маши.

– Зажги свет, а то я ненароком лоб расшибу, пока в туалет схожу.

Я выполнил её просьбу, она взяла тот же тулуп и вышла за мной. Про домик мой нужно сказать отдельно. Главный домик мы с батей построили не давно, и не как у всех. У нас была комната примерно три на четыре, с кирпичной печкой по середине, была вторая комната не отапливаемая, перед этой комнатой, как веранда, а перед ними был навес. У моей спутницы в руках была лампа. Я же по привычки быстро прошел через веранду и навес, и пристроился в сугроб. Сделав свои дела, я пошёл в дом, за спиной раздалось.

– Подожди пожалуйста. Я боюсь.

Я остановился и подождал. Пока она не закончила свои дела и не обогнала меня. Мы все таким же Макаром поместились в кровать, и на сей раз сон пришел сразу. Проснулся поздновато, но все же до рассвета. Еще ночью в раздумьях, я решил, что буду, как и раньше промышлять. И так же решил, что придется научить с утра эту девочку, как подкидывать печь, да и так по мелочи. Я растолкал Машу, она с горем пополам продрала глаза. Её опухшие глаза были красными, что свидетельствовало о том, что она много плакала.

– Утро доброе. Вставай буду объяснять тебе, что и как делать пока меня не будет.

– Ты меня бросаешь? – со страхом в голосе спросила она.

– Не глупи. Если ты не заметила, я охотник и мне надо

ежедневно обходить ловушки и собирать рухлядь. – грубо ответил я.

– Пожалуйста, не оставляй меня одну. – с мольбой в голосе произнесла она.

– И как ты себе это представляешь. Есть ты что собираешься?

– Мне страшно.

Я не стал нечего говорить, просто подошёл к печке и позвал её.

– Ходи сюда и запоминай как печь топить.

Она молча подошла, и так же молча наблюдала за мной. После того как печь разгорелась, я поставил чайник и кастрюлю на нее. Она спросила.

– А воду, где брать.

– Вон ведро, а снег на улице.

– А кран? – с удивлением спросила она.

Я просто засмеялся.

– Ха-ха-ха, какой кран? Кто сюда водопровод проведет?

Ты о чем? Ты еще унитаз попроси.

Она была в шоке, но все же спросила.

– А куда по большой нужде?

– Бумага у входа на полке, тайга большая.

– Я боюсь одна.

Я достал второе ружьё и подал ей.

– Оно не заряжено, попробуй пострелять в стенку. – она взяла его и прижав приклад к плечу, начала направлять его

в стену – Вот правильно и даже приклад правильно приложила. Вот сюда смотри – при этих словах я пальцем показал на то, что надо смотреть. – это прицельные приспособления, когда эта будет на ровне с этой, значит попала в прицел и нажимай спуск. – она нажала на спуск – Вот верно. Теперь смотри как заряжать.

Я показал, как переламывать ружьишко. Показал, где патроны и дал ей зарядить ружьё.

– Одевай тулуп, пойдем.

– Куда? – её удивлению не было предела.

– Пару патронов обстреляешь для практики.

Она оделась. На улице тридцать три, но не плюса. Она сделала три выстрела в дерево, что неподалеку от дома стояло. Первый мимо, второй и третий достигли цели. В прочем удовлетворительно.

– Теперь не боишься?

Спросил я, заходя в дом.

– Всё равно боюсь оставаться одна. – с надеждой сказала она.

– Но ты же понимаешь, что мне все равно придется уходить на промысел и добычу пищи.

– Не оставляй меня. Мы тебе заплатим, когда я домой попаду.

– На богатую ты не похожа, да и подачек мне не надо. А за едой, мне по любому придется ходить. Ты же должна понимать, что я рассчитывал провиант на одного.

Она сначала покачала отрицательно головой, затем положительно.

– Мне страшно.

И слеза скатилась по её щеке.

– Я понимаю. Но всё же мне необходимо занимается промыслом. Так давай осмотрим твои обморожения, а то в свете лампы плохо видно.

– Ладно.

Всхлипнув, она села на кровать. Она была все в той же майке. Я осмотрел ее ноги, руки, лицо. Щеки были хорошо подморожены. Я взял жир и начал втирать его.

– Снимай майку.

– Зачем? – опять тот страх в её голосе.

– Осмотрим обморожения и обработаю сразу.

Она, смущаясь стянула с себя майку. Я быстро ее осмотрел, не выявив не каких следов сильных обморожений, так по мелочи, но обработал. Её лицо заливалось краской пока я её осматривал.

– Одевайся.

Сам достал меховые носки, конечно, большие для неё, но всё равно подал ей.

– По дому за место твоих, и теплее, ноги не так больно будет, как в сапогах твоих. А то вон как морщилась пока снимала.

– Да в них правда больно. Спасибо.

– Не стоит. Вечером по размеру сделаем.

Суп до варился, поставил две тарелки и кастрюлю на стол. Чайник с запаренными травами уже стоял на столе, и исходил паром. Я зачерпнул поварешку супчика себе и жестом предложил ей, сделать тоже самое. Она не заставила себя уговаривать и повторила за мной. Ели и пили чай, мы молча. После оделся и на пороге услышал.

– Ты же меня не бросишь? «Правда», — со страхом в голосе спросила она.

Я улыбнулся.

– Да куда я денусь. Я даже если захочу, пешком далеко не уйду.

И вышел за дверь, краем глаза заметив, как слеза скатилось по щеке Маши. Я взял лыжи и пошел, первым делом на то место, где нашел находку. Решил поглядеть от куда будут ее следы. По дороге снял с капкана одного соболя. Дойдя до места находки, я нашел слегка припорошенный её след. Я было решил, что найду отгадку своей находки, но не тут-то было. Я дошел до места, где она появилась, примерно с километр. Не чем не приметная делянка. Следы появились в промежутке между кедром и березой, с боку валежник осины. Я прошел несколько раз через точку появления. Хотя признаюсь честно, боялся, что не дай бог меня куда-то переместит как Машу. Я долго набирался смелости, а потом плюнул на все, будь как будет и попробовал пройти. И это были напрасные страхи я прошел раз, затем два и три, потом четыре и все бесполезно. После решил вернуться к обходу

владений. По дороге решил, что расскажу Маше о том, что нашел это место и что оно не работает, ну или как правильно сказать. Набрал с десятков соболей. Трех из которых застрелил. И одного зайку подстрелил. И к закату я был в домике. Тут признаться честно, меня поразила встреча. Захожу значит в дом, а на меня ствол направлен. Замечаю зареванное лицо, ствол падает на пол и на шеи оказываются плотно сомкнутые руки девушки.

– Ты вернулся. Ты меня не бросил. Я боялась, что ты меня оставил тут одну.

Она плакала. Но при этом крепко обнимала. Мне даже жалко её стало. Да мужское сердце против женских слез не устоит.

– Я же говорил, что вернусь, ты чего?

– А вдруг? Я не знаю. Вдруг ты бы решил, что я обуза и ушел. – причитала она.

– Успокойся. Все нормально. Только вот ствол в меня не тычь, а то какая-то тенденция у тебя, вечером в меня стволом тыкать. И что в тишине сидишь?

– В смысле, в тишине? – немного удивительно спросила она.

– А, прости. Забыл тебе радио показать. Ладно отпусти, дай раздеться.

– Ой, прости. Накинулась на тебя.

Она смущено тут же убрала руки с моей шеи и даже забыла, как плакать, а её щеки приобрели румянец.

– Нормально все. «Я понимаю: тебе очень страшно в тайге одной», — успокаивающим тоном сказал я.

Я занес соболей и зайца в дом, затем дров и набрал два ведра снега, после чего только разделся. Затем показал, где радио.

– А вот и радио, тут только несколько радиостанций, есть еще МРЗ, но там только шансом и так несколько песен подобных. А я пока займусь шкурами.

– А что ты с ними потом делаешь?

– Сейчас сниму шкуры и уберу пока, а потом дома обработаю как следует и на продажу.

– А тебе не жалко зверят?

– Не знаю. Наверное жалко, но не чем другим у нас в станке не заработаешь.

– Понятно. Семью кормить то надо.

При этих словах её моё сердце напряглось, и я остановился. Она заметила и сказала.

– Да не переживай ты так, твои вон сто пятьдесят километров отсюда. И не беда, что снегоход сломан, они же знают где ты, а мои не знают где я.

В моей голове пронеслось всего сто пятьдесят километров до них, до их могил. Мои глаза не произвольно выпустили слезы. Я не мог их сдерживать. Мои родные не далеко. Сто пятьдесят километров и метр или чуть больше земли разделяли меня с родными. Разделяли меня с любимой женой, не родившемся ребенком, папой и мамой. Мои мысли ушли в

боль, боль пронзала моё сознания. Я ощутил, как Маша трясет меня за плечо.

– Э-э-э-э... Ты чего? Что с тобой?

– У меня нет больше родных.

– А куда они делись?

Я нечего не ответил, только скупые мужские слезы были ей ответом. Она, видно, поняла, что расспрашивать будет неправильно и постаралась сменить тему.

– Знаешь, а я всего лишь воспитатель в детском саду, в который Юля ходит, но она ветрянкой заболела вот и осталась дома с мамой. Мама в отпуске пока. Я даже рада что она не провалилась со мной сюда.

Я кивнул головой в знак того, что да мол это хорошо, сам достал сигареты, я курил мало штук пять за день, но в такие моменты, когда сердце на пределе сигаретку выкуривал на раз. Достал сигаретку и сделал предлагающий жест Маше.

– Нет, я не курю.

Я же сел у печки и закурил, состояние потихоньку возвращалось в норму. Но Маша видно решила, что чем-то меня сильно обидела.

– Прости я не...

Я ее перебил, не дав договорить.

– Ты не в чем не виновата. Моя семья погибла этой весной, погибли все. Мама, папа, жена и наш не родившийся ребенок.

– Как?

– Давай потом, как-то об этом не хочу сейчас вспоминать.

Больно.

– Ладно, давай. Я понимаю.

Я лишь усмехнулся, на это я понимаю. Мало кто способен понять момент, когда теряешь не одного, а всех. Это кардинально отличается. Когда кого-то одного, то у тебя есть те, с кем ты разделишь эту боль, а как у меня, только мне вся эта боль предназначена. Она видимо приняла усмешку в серьезе и начала оправдываться.

– Нет правда, у меня отец умер, когда....

Я не дал ей закончить.

– Ненужно. Правда. Пожалуйста.

Она замолчала, по виду было заметно, что она обиделась. Но честно, мне не до ее обид было. Я до курил и приступил к сдиранию шкурок. Когда закончил, помыл руки и поставил суп греть.

– Маш я сегодня нашел место, из которого ты появилась, я попробовал через него пройти.

– А если бы получилось я бы одна осталась? Ты. Ты. – голос бы злым.

– Не получилось. И на этом остановимся. Я тут с тобой. – зло ответил я.

Она была зла на меня. Но я делал вид что мне нет дела до нее, хотя мне на самом деле было фиолетово на её чувства. Я сам был раздраженным до сих пор. Суп разогрелся и оказался на столе. Поели и я взялся выполнять обещания. Достал

нитки с иглой, взял мех волка.

– Снимай носок. И давай ногу.

Она сделала что сказано. Я обвел её подошву на шкуре ручкой, затем вторую и приступил к простейшему изготовлению носка. Отец меня научил этому давно. Я сделал все выкройки и когда начал шить.

– Можно я сама?

– Пожалуйста. Только учти шить шкуры тяжело. Напальчник одень.

– Учту. – В её голосе слышалась обида.

Я передал ей все швейные принадлежности, а сам сел заниматься чисткой ружья и изготовлением наживок. Она несколько раз проткнула палец, затем ойкала и совала его в рот, как маленькая. Все же она дошила носки за пару часов. Я за это время успел оружие дочистить и прибраться в доме. Время было к одиннадцати близко, пара было ложится спать. Я подал ей жир.

– Руки, ноги и лицо. Остальное все почти зажило.

Она обработала все что сказано ей было и скользнула в кровать к стенке. Я лег тоже в постель и тут мне в носшибанул запах женщины. Я обратился к Маше.

– Маш извини за грубость. Но тебе надо подмыться, от тебя пахнет. Вон таз на стене, вода знаешь где. Я отвернусь.

Она взглянула на меня, но в темноте я не смог понять её взгляд. Она молча пошла к стене за тазом, я отвернулся, только слышал журчание воды, а потом она вернулась, мол-

ча переползла через меня и отвернулась к стенке. Я в свою очередь отвернулся краю. Так и закончился тот день. Те два дня я помню особо отчетливо, а вот последующие не так, поэтому буду рассказывать то что отпечталось особо хорошо в памяти. Утро третьего дня помню, я проснулся, а меня обнимает Маша. Конечно, она обнимала меня во сне, но это я запомнил. Я ее потряс за плечо.

– Уже встаю, только минутку еще полизу.

– Маш мне надо вставать, отпусти меня.

Она резко распахнула глаза и тут же отдернула руку от меня, лицо покраснело.

– Я не специально.

– Не беспокойся, я не против. Ты же во сне.

Я пошел растапливать печь, да придется еще дров рубить. Не рассчитывал я на то, что она появится. А с ней в доме и печи не дашь прогореть, холодно станет. Она же пошла умываться.

– А как ты моешься?

– Воду нагреваю и в том тазу моюсь.

– Понятно, а воду на улицу?

– Да.

– Можно я помоюсь пока ты на охоту ходишь?

– Кто тебе мешает? Мойся.

– А... А можно еще майку и полотенце?

Я достал полотенца и вещи которые были отца и мне были не нужны.

– Эти вещи можешь переделать как тебе надо, что-то используй на белье, что-то на женские средства. Порошок вон там, экономно с ним. А теплые вещи попробуй ушить, пригодятся.

– Понятно, а где шампунь?

– Ха-ха-ха. Шампунь. В станке то не у всех есть, а ты в тайге у мужика его спрашиваешь «МЫЛО». – утвердительно сказал я.

– Ясно. Шампуня нет. – Чуть разочарованно сказала она.

– Конечно нет. Ты еще ванну потребуй, с джакузи. – с издёвкой в голосе произнес я.

– Не издевайся.

Я только посмеялся. Меня честно она раздражала. Не могу сказать, чем, но раздражала. Да и судя по ней, она тоже не испытывала ко мне любви. После я ушел на промысел. Сколько дней прошло до следующего разговора, который я запомнил не знаю, но за эти дни она успела изготовить себе белье и ушить теплые вещи. А разговор, следующий был, скорее ссорой. Я вернулся домой и вижу, как она обрабатывает шкурки, при этом сильно повредила несколько. Меня это взбесила.

– Какого лешего ты делаешь? – я крикнул.

– Я хотела помочь. – оправдывающим мы тоном сказала она.

– Мне не нужна помощь. Пожалуйста, не помогай мне больше. – раздражено, но крича сказал я.

– Но мне надо что-то делать пока тебя нет. – Она обиженным голосом произнесла.

Я же был зол и не мог мыслить нормально, поэтому чтобы не сорваться я пошел на улицу покурить. О боже, как же она меня бесила. Городская фифа и на кой хрен ты её сюда послал. Хотя, о чем я, ты же издеваешься надомной. Тебе доставляет удовольствие мои страдания. Я скурил сигарету и зашел в дом.

– Прости я больше не буду. – примеряющим тоном сказала она.

– Спасибо что не будешь. – язвительно ответил я.

В тот день я поймал рыбы и поэтому я поставил на стол уже соленого тайменя, которого засолил сразу на реке.

– Ешь, пока не растаял.

Она взяла кусок, повторяя за мной убрала лишнюю соль и отправила его в рот. По ее лицу было заметно что ей понравилась рыба, но она была зла на меня, хотя я не меньше злился на нее. Все же она испортила святое, мой доход. В тот день разговор не клеился, и мы злые легли спать. Дня через два, я решил, что она была от части права и мне действительно надо ее чем-то занять. Решил вечером ее научить обрабатывать шкуры. Я как раз подстрелить пару зайцев. Вечером я позвал Машу разделывать тушки.

– Маш, ты извини за тот раз. Ты права, тебе действительно надо чем-то заниматься. Я зайцев подстрелил начнешь с них. «Их шкуры не так жалко», — примеряющим тоном сказал ей.

– Не надо. – Она была до сих пор обижена.

– Хорош дуться. Я тоже не рад что ты тут, мне одному проще, но всё же ты тут и нам с тобой надо как-то существовать.

– Так и не надо было меня спасать. – скорее, чтобы что-то сказать, сказала она.

– Дура! Как ты себе это представляешь, я должен мимо был пройти. – немного злобно сказал я.

– Не знаю. Просто ты все время злой. Как будто я специально тут оказалась, чтоб тебе мешать.

Она заплакала. Я чувствовал вину, ведь девчонка и в правду пере домной не в чем не виновата. Во всем виноват этот, что в небесной канцелярии.

– Я понимаю, что ты не виновата в том, что ты тут. Просто пойми и ты меня, у меня отвратительный год, а тут. А ладно. – я махнул рукой.

– Ты расскажи, может тебе легче станет. – она попыталась взять себя в руки.

– Маш, прости, но, пожалуйста, не тереби мои раны. Они очень сильно еще кровоточат. Пойдем разделявать туши, хорош дуться.

Она вытерла слезы, которые потихоньку прекращали вытекать из её зеленных глаз, и подошла к жердочке, на которую я подвешивал тушки.

– На нож и будь аккуратной, он очень острый.

– Поняла, Объясняй.

Я объяснил, как надрезать лапы и под вешать тушу, как снять шкуру, как распотрошить. Затем она разделала второго, а после пару соболей. Пока я разделявал других соболей. Я предложил ей.

– Хочешь, можешь сварить суп из зайца. Картофель, капуста, лук в подполье.

– Ты правда не против? – немного удаленно спросила она.

– Нет.

– Хорошо, я приготовлю. – с некой радостью в голосе ответила она.

Она соскочила с места, чтобы начать готовить и пошла к подполу.

– Аккуратно, оно очень глубокое и там две крышки чтоб не промерзло. А главное, все опять потом подвесь, чтоб мыши не сожрали.

– Так вот почему у тебя все на веревках висит. А я думала это какой-то прикол.

Я засмеялся.

– Да прикол с мышами не делится. А то они жадные, жрут много.

Она слезила в подпол, достала продуктов не много и приготовила отличного тушеного кролика. В тот день на её лице отражалась какое-то спокойствие или что-то подобное, но не злость на меня. День тянулся за днем, конечно, меня раздражала по-прежнему эта фифа, но все же меньше. Она тоже не была рада тому, что находится в моем обществе и дома мы

с ней в основном перекидывались только парой слов, а все остальное время играло радио. Парой вечерами я задумывался, для чего все же она появилась тут. Она тоже страдала только, за что я не понимал. Парой я хотел её расспросить, но все не как не получалось перейти с ней на нормальный разговор. Грубо говоря у нас с ней, не ладилось, но все же мы были вынуждены жить вместе. Так дни сменяя друг друга, дошли до середины декабря. Восемнадцатого декабря на улице с утра было всего минус семнадцать, и я решил пойти на рыбалку, и позвать с собой Машу, все же девчонка засиделась.

– Пойдешь со мной на рыбалку, проветришься.

– Да, конечно. А что одевать? – с какой-то детской радостью ответила она.

– А у тебя много теплых вещей?

– Да. Прости. Я как-то забылась. Сейчас оденусь.

Она одела ту меховую одежду, что подогнала под себя. Я занес лыжи, которые мы подогнули под её самодельные унты. Да кстати, нужно признать унты вышли, что надо. А вот лыжи и Маша оказались врагами. В начали она несколько раз упала, конечно, я сдержал смех. После мы так долго шли до реки, это ужас. Но все же мы дошли. Берег этой маленькой таёжной речушки был с обеих сторон слегка скалистым, поэтому выйти на сам лёд не такое простое занятие. Но все же вышли на лёд, и я продолбил ледорубом две лунки и достал снасти. Одни снасти отдал Маши вместе с мясом для

наживки.

– Теперь смотри и повторяй.

– Хорошо.

Процесс пошел. Через некоторое время у Маши на крючке оказалось рыба и мне пришлось вмешаться.

– Дим рыба на крючке, я ее вижу, что делать. – нетерпение в голосе выдавало что она в первые в жизни на рыбалке.

– Спокойно. Жди. Вот смотри, когда рыба заглотит наживку основательно, то она попытается поплыть прочь от боли, который крючок причинит ей. Тогда-то ты и вытянешь ее.

Она с нетерпением ждала этих пять секунд, затем так сильно потянула, что пришлось ее останавливать.

– Аккуратнее, если ты так резко будешь тянуть ее, то просто порвешь ей губу, и она от тебя уплывёт.

– Понятно – и уже спокойнее она вытянула своего первого в жизни окуня, радости её не было придела.

Спустя примерно час рыбалки, я спросил:

– Маш, извини, конечно, это не мое дело. А ты замужем?

– Нет. И зачем извинятся. В этом вопросе нет не чего предосудительного.

– Просто как-то в личную жизнь вроде лезу.

Она за смеялась, а затем объяснила причину смеха.

– Знаешь, а вот сейчас если посмотреть на нас со стороны, то можно подумать к будто мы с тобой муж и жена. Живем вместе, спим в одной постели.

– Слушай, а я даже и задумывался о таком.

– Я тоже, а сейчас ты спросил и задумалась.

– Веселые мысли.

– Дим, спасибо что взял меня собой сегодня. Я устала дома сидеть.

– Да не за что. Ты не сочтешь за грубость если я спрошу.

А где отец твоей дочки?

– Не сочту. Я забеременела, а он меня бросил.

– Как?

– Просто ушел от меня.

– Как? – глупо, спросил я повторно.

– Да что ты заладил, как, да как.

– Просто в голове не укладывается, моя девушка забеременела от меня, а я её бросил.

– Но не все такие как ты.

– Не знаю. У нас в станке точно такого дурака не найти.

– Ты путаешь. Вы живете обособлено, тут все у всех на виду. В городе все по-другому. Если хочешь я могу рассказать, как мы познакомились с ним и что из этого вышло.

– Буду очень рад и благодарен.

– Ну так вот. Мне было девятнадцать.

Я ее перебил.

– Прости, но я очень давно хотел спросить об этом. А сколько тебе сейчас?

– Но, не культурно у девушки возраст спрашивать, но я отвечу двадцать шесть. А тебе?

– Мне двадцать два, двадцать девятого января будет двадцать три.

– Ясно, у меня день рождения летом. А ты очень седой для своих лет.

– Знаю.

– Ладно, на чем я там остановилась, а да мне было девятнадцать, и подруга пригласила меня на свой день рождения. Мартовский вечер, шашлык на тур базе. Там был парень симпатичный, спортивного телосложения с ежиком на голове и челкой, на нем была оттягивающая футболка и такие же оттягивающие джинсы. Мне тогда шибко он понравился, прям в душу запал. Меня с ним познакомили, звали его Павел. Ему было двадцать шесть, прям как мне сейчас, и он был женат. Меня молодую это не чуть не смутило, тем более что Павел мне оказывал знаки внимания. В тот вечер он остался со мной, конечно, он был не первым моим мужчиной.

На этих словах она заметила мой осуждающий взгляд.

– Вас в деревне сколько человек?

– Около трехсот.

– И ты, конечно, знаешь всех, и скорее всего знаешь почти всю их родню?

– Конечно.

– А в Краснодаре около миллиона человек, я даже половины людей в своем подъезде не знаю. Я к тому, что зря ты на меня смотришь своим мерилком.

– Прости, просто я с девушками как-то не шибко общался.

Моя жена была моей первой и единственной, и я у нее был первым.

– Я и пытаюсь тебе объяснить, что в городе и в деревне по-разному смотрят на подобное. Для тех мест от куда я, такие отношения были бы дикими.

– Почему?

– Да просто, не ты, не она, не встречались не с кем другим. В городе это практически невозможно.

Она была слегка раздражена.

– Понятно. Извини. Ты продолжай.

– На чем я остановилась?

– Что он вечером остался с тобой.

– Да точно. Так вот тот вечер был восхитителен. После мы встречались почти каждый день. Пару раз ночевали вместе. Я все его трясла, чтоб он решил, со мной он хочет быть или с той. Он все не решался. Примерно через полгода я залетела и сказала ему. Он не сказать, что был этому рад, я тогда его не понимала, от той женщины детей у него не было. Он, пожалуй, единственный раз тогда поступил как мужик, рассказал все той своей и ушел от нее ко мне. Знаешь пословица правду говорит, на чужом несчастье счастье своё не построишь. Вот и я тогда, пожила с ним пять месяцев, а он приходил домой как на каторгу, примерно, как ты первую неделю, когда меня нашел. Но если у нас с тобой нету выбора, то там был. И это его состояние становилось только хуже. Я разговорила его, он тогда сказал, что его тянет к его Алиночке. Я

ему тогда и сказала. Ты мужик или как, реши для себя с кем быть хочешь, и вали. В тот вечер он от меня ушел. Я родила красивую дочь и растила ее одна, а года два назад повстречала парня на год старше меня. Он ухаживал с месяц за мной, затем мы стали вместе жить, а в какой-то момент он пришел домой пьяным и избил меня и дочь. Конечно, я ушла от него.

– Да вижу судьба тебя крепко потрепала.

– Не крепче чем тебя. Судя по седине тебе по кручи, досталось. Расскажешь?

На сердце промелькнула искра боли.

– Давай в другой раз. И лучше дома.

– Ладно. Не хочешь не говори. У тебя на лице написано, что тебе больно. Знаешь, тут с тобой я только об одном сильно жалею, что своим не могу сообщить, что я жива. Ты в целом не плохой парень.

– Спасибо на добром слове. Ты, кстати, тоже довольно неплохая девушка и красивая.

– Спасибо. А почему ты такой грубый до этого был?

– Я обещаю, что расскажу тебе историю последнего года, но позже. Просто правда очень много свалилось на меня.

– Ясно.

– Там дочь твоя с кем?

– С мамой. Мы живем с моей мамой. Интересно, как они там? – с грустью в голосе сказала она.

– Главное, что они живы. Остальное не так важно. Придет весна и я помогу тебе добраться до дома не переживай.

– Я знаю, но я все равно скучаю по дочке. По этим словам, мама! Я ей на ночь сказки читала. – в её голосе было слышно, как сдерживаются слезы.

– Я понял, давай сменим тему, а то сам начинаю заводиться.

Ее грустный голос ответил.

– Давай.

Диалог плавно сошел на нет и каждый из нас был погружен в свои грустные раздумья. Мы поймали еще несколько рыб и пошли домой. По дороге я с нескольких куленок снял соболя. Разговора по дороге не получилось, Маша ели дышала от похода. Дома ждала неприятность. Свалилось дерево, которое закрыло вход. Пришлось топором помахать. Благо хоть не на крышу свалилось. Маша помогала оттаскивать ветки в сторону. Затем я добрался до бензопилы и порезал ствол на чурки. О том, чтоб пойти по кругу на промысел и речи быть не могло. Разговора дома тоже не было. Играло радио, она стирала свои вещи. пока я жарил рыбу. Потом я стирал свои вещи. После помылся. Мне сильно нравилось, как Маша краснела, когда я раздевался чтоб помыться. А вечером перед сном Маша спросила.

– Возим меня с собой на охоту.

– Не на охоту, а на промысел. Нет.

– Почему? – чуть обиженно спросила она.

– Маш не обижайся, но ты сегодня четырнадцать километров прошла ели, ели, а там сорок надо пройти. Давай посту-

пим так, ты еще пару раз сходишь со мной на рыбалку и когда будешь довольно неплохо ходить, то возьму тебя собой.

– Ладно.

Обиженно ответила она.

– Зря дуешься, ты в правду не выдержишь круг.

– А может выдержу.

В душе промелькнул азарт, подумал, а бог с ним, попробуем.

– Хрен с тобой, попробуй.

Меня чмокнули в щеку и отвернулись от меня. На утро был промысел. Весело было смотреть на то, как она мучается. Но Маша была настроена решительно и часов пять держалась. Я даже позволил ей попробовать стрелнуть в зайку. Но она не смогла, ей было его жалко. Разговора не получалось. Она что-то пыталась спрашивать парой, но дыхание у не сбивалось и как итог разговора не выходило. А вот часов через пять, она начала сдавать, чуть позже она попросила.

– А давай привал устоем.

– Давай, я думал ты раньше попросишь.

– Так ты специально не устраивал привал.

– От части да. Но так, я примерно, в это время перекур минут на десять устраиваю.

– А как в мороз ты?

– Как, как точно так же.

– Да тяжелая работа.

– Ну как сказать. Работа как работа. Мне необходимо как-

то выживать, а по-другому выжить не получается у нас в станке.

– Это почему?

– У нас нету работы. Из трехсот человек около пятидесяти получают зарплату или пенсию, остальные живут, или точнее выживают, кто чем может. Я вот промысловик.

– Жесть. И правительство про вас совсем не вспоминает?

– Почему? Вспоминают.

– Ну как тогда, если работы у вас нет, а как жить.

– Как, как. Огород у всех, хозяйство. Еще все абсолютно ставят петли на зайца, белку. Шкуры продают. Еще летом все браконьерством занимаются.

– Каким?

– Осетр, черная икра и сиговые. Иногда правда рыбнадзор бывает.

– Тебя ловили?

– Они некого не ловят.

– Почему?

– Ну во-первых, слишком далеко от города и есть возможность не вернуться им домой со службы, а во-вторых, нас всегда заблаговременно предупреждают о грядущей проверке.

– Кто?

– Честно не когда не интересовался.

– А ты не когда не уезжал от сюда?

– Почему? Я служил пограничником, на границе с Казах-

станом. Там и в увольнительную в город ходил.

– И как?

– Ты про что?

– Не хотел уехать из деревни?

– Знаешь тут тяжело выживать, но до прошлого года я не когда и не думал о том, что здесь плохо. Я всегда все свои мечты связывал именно со станком.

– А сейчас?

– Сейчас. Сейчас я часто думаю о том, что хочу умереть.

Вот и все.

– Почему?

– Позже.

– Ладно, тогда расскажи почему ты не хотел от сюда уезжать.

– Ну тут все просто. У нас нет полиции, нет власти, тут один закон, закон нашего станка. Старики говорят раньше у нас правительство скупало рыбу и лес заготавливали. Сейчас мы все летом растим овощи, по весне многие набивают птицы, рыбачат круглый год, держим овец, свиней, кур, корову. Как-то так и живем. Нас не тревожат всякие мелкие проблемы городских.

– Это тяжело. Надо много работать.

– Н-да надо. Но за то я не кому не чем не обязан. Нет не каких соседей сверху или снизу.

– Ну и зимой снег кидай.

– А что в квартире лучше. У меня знакомый переехал в

Красноярск так он рассказывал, что так обленились, что с женой спорят кто в магазин за хлебом пойдет. А у нас в магазин с пол километра идти, да еще и за водой тоже далеко. Правда я не так давно колодец вырыл и поэтому вода у меня близка.

– Возможно ты и прав, но как же связь, телевидение?

– Ну как, связь почтой, раз в неделю вертолет летает, или летом по реке теплоходом. Или рация. А телевидение у нас есть, мы же не совсем звери. А еще нам обещали сотовую вышку скоро поставить, так что как люди будем жить.

– А ты говоришь вертолет или теплоход, а что дороги нет?

– Есть, правда одна всего Енисей.

– Так это же река?

– Да река. Зимой на нем зимник накатываем, а летом навигация. А вот весной и осенью есть время, когда нет дороги.

– Жестко. Я бы так не смогла.

– А что твоя жизнь лучше?

– Ну я пришла домой и мне надо только прибраться и кушать приготовить.

– А чем остальное время занимаешься?

– В интернете в соцсетях общаюсь.

– Надеешься парня там найти?

– Да, наверное. Не знаю. Наверное, просто убиваю время. Не знаю. Я пока с тобой тут живу осознала, что мне они и не нужны в общем.

– Я про то и говорю, что в квартире люди не знают, чем

заняться. В деревне то зимой заняться не знаешь, чем, не говоря не про что больше. Летом работы моря, но спать ложишься уставший, но довольный. Довольный тем что ты сделал то, что будет тебя кормить, что-то что заметное. А у вас летом что, купания на море?

– Ну да.

– И говорю про то. Лето красное не чего делать, а зимой вешайся.

– Ну так как вы тоже тяжело. Работать круглый год.

– Зато ты всегда знаешь, что ешь. Не какой химии. Вон у тебя на моих сдобных харчах щеки поправились.

– Не вежливо девушки такое говорить. – её веселая интонация говорила о том, что шутку она поняла правильно.

– А что не вежливо. Вон и грудь поправилась. Ты красивее стала.

– Все равно я не жирная.

– А я сказал, что ты жирная? Ты поправилась и стала красивее.

– Подлиза. – Её искренняя улыбка искрились довольством.

– Ладно пошли. Хорош отдыхать.

Вторую половину пути она прошла ели, ели, но выдержала. А вечером перед сном я у нее спросил.

– Завтра со мной?

– Ты чего дурак, я ели хожу.

– Я шучу. Отдыхай.

Следующих несколько дней я ходил один. Затем порыбачить брал её с собой. До нового года время пролетело быстро. Раз она ходила со мной на промысел. А вот тридцать первого декабря я не куда не пошел и решил устроить маленький праздник. Сделал тесто и вечером запек пирог. Она была удивлена, как я без духовки запекал пирог. Я дождался пока печь прогорит до углей и поставил противень сверху.

– Не знала, что так можно. – удивлённо сказала она.

– А ты в детстве картошку на углях запекала?

– Да. Конечно.

– А чем тебе здесь угли не нравятся.

– Не знаю. А также можно приготовить шашлык? – она выполнила свою мысль.

– Можно.

– Приготовь, пожалуйста.

– Не вопрос. Завтра приготовлю.

– А ты завтра на промысел не пойдешь?

– А что?

– Просто, подумала, что хотела бы чтоб ты завтра побыл со мной.

Она слегка покраснела.

– Не пойду. Завтра первое, надо отдыхать.

Пирог был готов. Все же сухие дрожжи хорошее изобретения. Пирог вышел мягким, я поставил его на стол. На меня накатили воспоминания, все же все промысловики к новому году возвращаются домой. А дома всегда шикарный стол, на

котором стоят салаты и папин самогон. Он ядреный, на кедровых орешках. Она заметила мой взгляд и сказала.

– Я тоже душой по близким заскучала. Сейчас на столе была бы шуба, оливье и мандарины. А Юлька бы мучила меня, скоро ли дед мороз придет. Рядом бы стояла елка. Мама суежилась бы на кухне, и мы ждали новогодние обращения президента. Да и, конечно, шампанское. Мы не богатые, поэтому российское, а еще детское. «А вы как встречали?» — с грустью спросила она.

– Мы. Как мы. Ой блин время, ладно сейчас встретим новый год, и я расскажу тебе все, обещаю.

Время было без двадцати двенадцать. Она разрешила пирог, а я достал водку.

– Тебе наливать?

– Только немного.

Время пришло, по радио заболтал президент, мы сидели слушали его и посмеивались над его типа все будет хорошо. А в двенадцать чокнулись и выпили. А после она поцеловала мою щеку.

– Спасибо что спас меня. Что не оставил там. – в голосе и правда слышались нотки благодарности.

– Ты чего. Разве я бы смог. – я попытался оправдаться, к будто и правда собирался от нее избавиться.

– Мне кажется я бы не смогла как ты. Сколько ты со мной возишься. Вон хлеб и тот экономим только мясо и рыбы в избытки. А ведь не я, тебе бы хватила всего с избытком.

– Так-то да, но, а том, чтоб пройти мимо речи и быть не могло.

– Я и говорю спасибо тебе. Знаешь, первое время ты меня бесил.

Я ее перебил.

– Знаю и ты меня вымораживала.

– Да я знаю. Но все равно ты со мной возился. Даже когда я косячила по-черному, ты сдерживался. А я тогда думала, что ты меня изобьешь, как мой бывший Дима.

– Его тоже звали Дмитрием?

– Ага. Но ты лучше его намного. Прости меня.

– За что?

– За все. За те гадости что я говорила.

– Тогда мне тоже надо извиняться.

– Извинись. Я не против тебя простить.

– Хитрюга. Ладно извини.

– Нет. Не извиню.

– Это почему? – я был действительно удивлен.

– Пока не выполнишь свое обещание.

– Какое?

– Как какое? Рассказать о прошлом.

– Ладно слушай. Я как все нормальные люди отслужил в погранцах и вернулся домой. Дома меня, конечно, встретили, с неделю мы гудели, ну как все нормальные молодые люди, это в полнее естественно. Правда.

– Да, конечно, дембель. – понимающим голосом сказала

она.

– Ну потом, так получилось, что соседка напротив очень похорошела. Мне было двадцать, а ей восемнадцать. Людка стала красавицей, пока я был в армии. Я не умел общаться с девушками, но Людку это не остановило. Через неделю после того, как я вернулся, она подошла ко мне бухому и сказала:

– Если ты не отрезвеешь, завтра я не стану твоей женой, а отрезвеешь я выйду за тебя.

– А ты что?

– А как я мог ей отказать, она такая красивая.

– Н-да, я бы так точно не смогла.

– А Люда смогла. Она потом призналась, что мечтала за меня выйти, когда ей еще одиннадцать было.

– Сбылась значит мечта?

– Сбылась. Мы через месяц свадьбу сыграли. Станок гудел. Самогона было выжрано не мало, отец тогда кабанчика завалил, да и тесть с тещей тоже кабанчика забили. Неделю гудел весь станок, а как счастлив был я. О эти сладостные дни. Моя красавица жена была со мною рядом, правда ее похищали несколько раз. Я тогда мало пил, почти не пил. А ночами наслаждался объятьями жены. В том году я был счастлив, даже больше я был безумно счастлив. Осенью отец пошел один на промысел, а с нового года я пошел с ним. Он специально не стал меня брать собой. Он дал мне по быть с молодой женой. Дом у нас большой. Поэтому мы остались жить с моими родителями. Я у них один ребенок и тот позд-

ний и долгожданный. С нового года я с папой был на этом участке. Мы не плохо тогда шкур наготовили. По весне я уже один ходил за уткой и гусем, батьке тяжело стало. Да на браконьерство я тоже один ходил. В тот год я и осетра не плохо наловил, а значит икры наготовил не мало. На те деньги мы на купили вещей, и техники немного. В то же лето мы решили, что отец больше не пойдет на промысел, ему тогда шестьдесят семь было.

– Это во сколько же ты у них родился?

– Маме было тридцать шесть, когда я родился, а папе сорок шесть.

– Нефига себе. Это какого года рождения он у тебя?

– Мой дед воевал в велико отечественной. Там он познакомился с бабушкой и в последний год войны родился мой отец. Бабушка умерла во время родов и дед один растил папу. Ну, конечно, ему его родители помогали. Дед тогда так и не женился больше. Он одна люб, по крайней мере он так говорил.

– А мамины родители.

– Я их не помню, они из этого же поселка. Это все что я знаю.

– Получается у тебя совсем нет родственников?

– Есть, но я их не когда не видел, или видел, но не помню.

– Н-да, и что дальше?

– Дальше. Дальше было лето. Браконьерство, огород, запас сена на корову и овец, потом с женой за грибами.

– Я тоже люблю за грибами.

– Тебе и рыбалка вон понравилась.

– Да. Что есть, то есть. Я тут в первый раз попробовала на рыбалку сходить. И мне и в правду сильно понравилась. Но ты продолжай.

– В октябре дождались дождей, и я собрался в путь.

– А зачем в дождь?

– Не в дождь, а после дождей, когда уровень рек вырастит.

– Зачем?

– За тем, чтоб можно было проплыть по мелким рекам.

– А-а-а-а-а. Понятно.

– Ну так вот. Забрасывание прошло гладко, я знал этот участок как свои пять пальцев, конечно отец лучше его знал. Все же он сорок семь лет владел этим участком.

– А участки большие?

– Этот около полутора тысяч километров квадратных.

Она присвистнула.

– Не черта себе. Это сколько его обходить то?

– Когда-то домики ближе были друг к другу. Но сейчас есть снегоходы и все на много проще. У меня или точнее на этом, отцовском участке пятнадцать домов. Этот основной, остальные меньше.

– Ясно.

– На чем я остановился.

– На заброске.

– А ну да. Так вот. За бросился удачно, сезон тоже был

не плохой и как все охотники под новый год я приехал на снегоходе домой. Со мной тогда две лайки были. Так они всю дорогу за снегоходом бежали.

– А почему не в санях?

– Не знаю, но в санях не у кого не получается лайку вести, они у всех следом бегут.

– Дим я давно хотела спросить, я как слышала у охотника всегда собака есть?

– Да.

– А где твоя?

– Чуть позже дойду до этого.

– Ладно.

– Я прибыл домой двадцать девятого декабря. Конечно, меня встретили, истопили баню на следующий день. А жена утолила мои мужские потребности, не на следующий день, а в этот, но и на следующий, и потом тоже. Мы сходили в клуб, там скупщик шкур был. Продали немного, хватило на мандарины и бананы, но и так немного на стол конфет. А в новый год, когда прозвучали куранты Люда сказала:

– Родные мои, у нас в семье скоро будет пополнение, третий месяц уже.

– И как тебе этот сюрприз был.

– Не поверишь, но я был счастлив, а самым счастливым человеком на свете был мой отец, он все переживал что внуков не по нянчит. Он тогда подбежал к Люде и крепко её обнял. Что тогда стояло на столе я не помню, я помню лица

любимых людей, их веселые вырождения, помню, как кружил жену на руках.

На глазах наворачивались слезы и взгляд уперся в пустую кружку.

– Через пол часа пришли теща с тестем и Семен.

– А Семен это кто?

– Родной муж Люды.

– Муж? – удивлённо спросила Маша.

– Ой блин, брат. Они тогда пришли к нам в гости и мы, радостную новость сообщили им тоже. Радости было. Да тогда я был по-настоящему счастлив. Знаешь, тогда я осознал истину.

– Какую?

– Счастье – это не деньги или власть. Счастье оно очень просто. Есть семья, которая тебя любит, есть работа, которую ты любишь, все живы, здоровы и с голоду не помирают, вот это и есть счастье. Тогда я был по-настоящему счастливый человек, не смотря на сложность нашей жизни.

Я замолчал, глядя в пустую кружку и слеза скатилась по моей щеке.

– А дальше?

– Дальше. Дальше все кроме нас с Людой накушались самогона, и так и встретили новый год. Конечно, потом пол деревни побывало у нас в гостях с поздравлениями. Тогда было весело. Четырнадцатого января я снова уехал на промысел, специально до крещенских морозов. Промысел шел,

шкуры добывались и все было ровно. В марте перед самым окончанием сезона, рация приказала долго жить. Грёбаная рация, если бы не сломалась, я бы хоть простился.

Ком у горла мешал говорить, я встал и перешел к печке. Достал сигарету, прикурил, в этот момент Маша подала мне на половину полную кружку, при этом и в ее на дне что-то было.

– Дим тебе надо излить душу, станет проще.

– Знаю, но больно. – чуть грубовато ответил я.

– Давай помянем их.

Я кивнул гривой и слезы потекли из глаз, ком душил. Вся та боль, что я столько сдерживал вновь окатила меня. Душу раздирало на куски и было так безумно хреново. Я понимал, что она права, но все же мне было тяжело. Я не знаю сколько я просидел с кружкой в руках, глядя на нее, как в пропасть, пытаюсь разобраться с тем, что было во мне. Затем одним глотком выпил содержимое. И заметил слезы на щеках Маши.

– Ты чего плачешь?

– Глядя на тебя не выдержала.

Я натянуто улыбнулся. И попытался продолжить.

– Тогда я в марте забрал сломанную рацию и поехал домой. Дома папа сказал, что купим новую. Жена была на шестом месяце, там во всю пузико пиналось. Мы думали если родится мальчик назвать Мишей, а девочку Машей. Смешно правда, появилась Маша, но для дочки взрослая слегка.

Она улыбнулась. Но говорить нечего не стала, было видно, что она ждет продолжения и я продолжил.

– Ночью пузико пинало папу, но это было так приятно. Это было так приятно.

Я завис, все так же всматриваясь в бездну, что была почему-то в кружке. Маша терпеливо ждала продолжения, не пытаясь меня вывести из этого состояния, и я продолжил.

– Через несколько дней я поехал на участок пока наст держал. Что такое наст знаешь?

– Снег, который слегка растаял и потом застыл.

– Да, вот весной пока он крепкий, все охотники завозят дрова и делают заготовки разного характера, ловушки там готовят и тому подобное. В это время лосям кирдык, они проваливаются под снег, а волк и медведь едят их, а еще и уроды из людей. Я тоже делал заготовки до десятого апреля. И вернувшись десятого апреля, около дома ко мне подошел, не помню кто. Он сказал:

– Дим, тут такое дело. Люде стало плохо, твой отец завел газон, посадил Люду и мать, и поехал по зимнику в город. Где-то в километрах тридцати от станка машина провалилась под лёд. – Представляешь. Я сначала подумал он шутит, но заметил траур на соседском доме. Мое сознание тогда разрывало, я помню, что упал на колени и взвыл, мне тогда казалось, что моя душа отделилась от тела и смотрела на себя со стороны. Там, по-моему, подошел тесть и сказал, что они неделю как в земле.

Тут я закричал.

– Представляешь, неделю как их не было, а я преспокойно работал. Если я бы первого приехал, то увез бы Люду сам на снегоходе. Гребаная рация, если бы была целой, я хотя бы простился с ними.

Слезы потекли с новой силой. Я не мог их остановить. Над бездной кружки показалось горлышко бутылки и налила она чуть больше пол кружки, я, не говоря не слова, выпил. Краем сознания я отметил, что Маша на сей раз не стала пить. Трясущемся руками я закурил сигарету и молчал пока не скурил сигарету. Маша же не нарушала тишины.

– То лето выпало из моего сознания. Я бухал. Бухал по-черному, не просыхая. Тогда я выпил все свои запасы спиртного, пропил все что за зиму заработал. Знаешь, если не тесть с тещей, то моя скотина бы сдохла. Семён даже сена накопил для моей скотине, пока я сам уподоблен был скотине. Я бухал, порой просыпался на могилах, порой дома и снова заливался пойлом, я пил до состояние ни забытия, до того момента, когда реальность покидала меня. Так продолжалось до осени, а осенью меня из этого состояния вывел Семён. Он тогда просто вывел меня на берег и начистил мне моську, затем покупал меня в Енисее и лишь затем сказал:

– Ты дебил, ты думаешь один страдаешь, моя мать вон тоже горем убита до сих пор, но она живет – Я не чего вроде не ответил, а он продолжил тогда – Ты хоть помнешь как отец тебя из петли достал. – Я не помнил и поэтому ответил: – Что

не помню. Тогда он продолжил. – Ты думаешь они хотели, чтоб ты спился, ты думаешь, они такой судьбы тебе желали. – А для чего мне жить, для кого. – Именно, тогда он и сказал мне то, что помогло вернуться к нормальному существованию. – Живи для них, живи за них, живи чтобы исполнить их мечты. Поверь моя сестра не за что бы не захотела, чтоб ты растратил свою жизнь на пьянку, чтоб ты просто стал алкашом. Она очень сильно тебя любила с самого детства. Я помню, как она с улицы пришла домой и заявила нам всем, что, когда вырастит станет твоей женой. Мы тогда все посмеялись, но в итоге стала. И ты думаешь, она мечтала, чтобы ты в алкаша превратился. Живи, исполни её мечту, проживи эту жизнь за неё и ради её памяти, и ради родителей.

Ком в горле мешал говорить, выпитая водка не возымела не какого действия. Я вновь замолчал. По моим щекам капились слезы, да и Машины глаза тоже были в слезах и полны моей неразделенной боли. Я протянул ей кружку, она наполнила её, и в этот раз наполнила свою на половину. Мы выпили, и я продолжил.

– В тот день он утащил меня в баню, затем за несколько дней мы забили часть скотины, чтоб было чем заплатить за топливо, продукты, да за зерно для скотины. Затем Семён помог собраться мне на промысел. В октябре я и Пуля с Люсей за бросились. Пуля была любимой лайкой моего отца, а Люся моей. До берега добрались без особых проблем, а вот на пол пути к дому снегоход. Ты сама видела его. Благо не

успел развести продукты, вот и получилось, что я привязан к этому дому стал. Я решил, что не за что не стану сходить с пути и продолжу во чтобы это не стало. Самое смешное, что меня сочтут скорее всего мертвым.

– Почему?

– Ну, если я не приду под новый год еще поймут, а если в марте не приду, подумают, что скопытился. Ладно отвлекся. До середины ноября я охотился на соболя и набивал глухаря. А вот в ноябре случилось то, из-за чего собак не стало. Я шел по кругу, когда услышал шум за спиной, я сразу понял. ШАТУН. В моей голове забрезжил страх, и я со всех ног начал удирать от того места. Хотя я прекрасно знал, от медведя не уйти, но у страха глаза велики. Через несколько минут он меня нагнал, я смог в него выстрелить, но была заряжена дробь и в добавок ко всему, помимо расстояния, руки тряслись, поэтому выстрел не произвел нужного эффекта. Я тогда подумал все, уже даже простился с жизнью, но собаки меня спасли. Сначала Пуля укусила его за лапу, но тот её перекусил по середине хребта. Только кровавые пузыри изо рта у нее показались. За тем, он укусил Люсю за череп. Этот хруст черепа помог взять себя в руки и перезарядить ружьё. И выстрелил в него. Пуля ещё была ещё жива, она умерла на моих руках. Его шкуру ты видела, а собак я сжег, тем самым простившись с ними. А еще через несколько дней я нашел тебя. Я шел по участку и заметил что-то красное, это была ты.

– Да, я думала у меня тяжелая судьба. Теперь я понимаю, что сильно ошибалась, ты очень сильный человек.

– Почему?

– Я бы все равно покончила собой. Не смогла бы вынести и половины твоей ноши.

– Спасибо.

– За что?

– Мне и правда стало легче.

Она подошла и обняла меня, уткнув моё лицо в свою грудь. Мне и в правду стало намного легче. Конечно, ком стоял и слезы периодический стекали с глаз, а еще я почувствовал, как по моей голове капает слезинки Маши. Она и в правду смогла разделить мою боль, только стоило ли это было делать в праздник.

– Прости за то, что праздник испортил.

– Глупый. Я рада что ты со мной поделился. Я обижалась на тебя, когда ты уходил от разговора, а теперь понимаю на сколько же тебе было тяжело.

– Но сегодня праздник, а мы в слезах.

– Не страшно, так ты сможешь оставить часть боли в том году.

– Спасибо.

– Не за что. Пошли спать.

– Пойдем.

В ту ночь я в момент отключился. Мне и в правду стало намного легче. Она обняла меня, прижав к себя и я выр-

бился. Как бы это было не странно, но она больше меня не раздражала, а напротив очень сильно нравилась и не только внешностью. Проснулся я поздно, около двенадцати, она еще спала. Я растопил печь, умылся и приступил к приготовлению шашлыка и когда шашлык был почти готов проснулась Маша и на запах шашлыка в момент оказалась за столом. После того как поела, пошла умываться, затем вышла по нужде, а когда она зашла домой, я заметил напряжение. Знаете, люди так напрягаются, когда им больно, я просто посмотрелся на подобное. Мама у меня травницей была, и все из деревни к нам ходили, поэтому и я в травах не плохо понимал. И вот у Маши были признаки испытываемой боли.

– Маш.

– Что?

– Это я хочу спросить. Что болит?

– Нормально все. – с лёгкой ошарашенностью сказала она.

– Маш.

– Да нормально все.

– Маша.

– Да какая разница? – чуть зло сказала она.

– Маш ты понимаешь, что нам с тобой тут еще долго быть.

Сейчас первое января, а нам почти до конца апреля быть.

– Дим, но, а чем ты мне поможешь?

– Маш говори. – Я произнес с нажимом в голосе.

– По-женски это. – смущено сказала она.

– Говори точнее. Что болит, когда и как. У меня мама

травницей была и многому меня научила. Поэтому говори.

– Писать больно. – Щеки налились красным.

– Болит внутри, снаружи, все время или только в конце.

Какая боль, колющая или просто щипает.

Она смутилась, но все же ответила.

– Не знаю снаружи или внутри, а боль, такая к будто огнем все щель горит.

– Ясно все с тобой раздевайся.

– Зачем? – в голосе было смятение.

– Как зачем? Я что должен угадывать внутренний или внешней недуг лечить.

– Не надо.

– Надо Федя, надо. Или что я зря с тобой припасы делил.

– Почему?

– Если тебя не лечить, то можешь и умереть.

– Оно само пройдет. – с надеждой сказала Маша.

– Знаешь, там в станке часто были такие случае, только с мужиками. Они стеснялись перед мамой раздеться и как итог, только в больнице потом могли им помочь.

– А что это?

– Не знаю как по-научному, но проще говоря продула тебя там. И если не лечить, то скоро сепсис начнется. Кажется, так это называется.

– И что не пройдет?

– Бывает, что проходит, но чаще хуже становится.

Она задумалась. И минут пять я её не тревожил.

– Ну так что? Лечимся или нет?

– Лечимся. – лицо хоть сигарету прикуривай.

Она сняла штаны, затем сделала глубокий выдох и сняла свои единственные плавки.

– Ложись.

Легла на кровать ноги по струнки сложив.

– Я как, по-твоему, должен увидеть.

Она сделала глубокий вдох и повернулась, так чтоб ее попка была с краю и согнула ноги в колени прижав их к груди. Я сам раздвинул губы и увидел сильное покраснение, затем заметил геморрой. Он был огромный, я задел выпирающие узлы и спросил.

– Геморрой после родовой?

– Да.

– Одевайся пока. А что геморрой не лечим.

– Пробовала не помогает, а что с.

Я ее перебил на полуслове.

– Сейчас приготовлю отвары и будешь в тазу ее отмачивать, три раза в день. А потом и геморроем твоим займемся. Ты мне сразу только скажи, если у тебя есть какие женские заболевания. Чтоб травы правильно подобрать.

– Я перед тем, как здесь оказаться была у гинеколога, сказали здоровая.

– Хорошо.

Я оделся и на выходе сказал Маше.

– Надо кое-что найти в тайге скоро буду.

Нашел торчащий из-под снега можжевельник и хвойник. Вернулся домой, набрав на веранде нужных трав, поставил на печь одно ведро, в котором за парил нужные травы и поставил чайник, чтоб за парить еще травы что она будет пить. Через некоторое время все было готова, и я ей сказал.

– Это пьешь, а это в таз наливаешь, снимаешь белье и садишься туда голой попой на двадцать минут.

– Ясно.

– Так тогда чего ждешь?

– А ты не выйдешь? – она уделено спросила.

– Маш, я буквально полтора часа назад все видел, если ты не помнишь.

– Мне все равно не удобно.

– Не удобно срать на потолке, гавно свалится. Я же не буду каждое утро и вечер уходить, чтоб тебе лечится и тем более потом, все же мне придется тебя осматривать, прошло или еще лечить надо.

Она собралась с духом и все же уселась своей голой попой в тазик с травами.

– Там сильно щиплет. —чуть визжащем голосом сказала она.

– Это нормально. Сиди.

Она маленько успокоилась и чуть притерпелась, а затем спросила.

– А ты где служил?

– В армии. – глупо ответил я.

– Я не про это спрашивала.

– Знаю, но так прикольное отвечать.

– Злыдень. – с улыбкой констатировала она.

– Я да ну ты брось, сама доброта.

– А правда ты где служил?

– В армии правда.

– Ну Дима.

– Ну Маша.

– Дима. – с нажимом произнесла она мое имя

– Пограничник я. От казахов вас охранял.

– Ты в части выделялся по ходу?

– С чего вдруг?

– Ну хотя бы тем, что ты охотник.

– Да тут была разница, для меня не было проблемой дальние марши, да и стрелял я почти лучше всех. Но все же с пацанами я находил общий язык. Правда, раз помню уговорили они меня покурить эту траву, что тряпкой воняет.

– И как?

– Знаешь такая дрянь. В голове все тормозит, смеешься как баран не пойми над чем. Мухомора переест и то лучше эффект.

– Мухомора, так он же ядовитый?

– В определенном количестве он лекарство. Чуть больше глюки, еще грамм снотворное, а переборщить умрешь.

– И ты его ел?

– Это лучшее лекарство от некоторых заболеваний.

– Нее. Я бы не стала.

– Ты попой сейчас сидишь в ядовитой траве.

Она было попыталась соскочить, но я успел ее придер-
жать.

– Не уж ты думаешь, что я тебя хочу отравить?

– Нет, конечно, но ядовитая трава?

– Вшей чем выводят?

– Чемеричная вода.

– Правильна. Чемерица ядовитая трава, но не у кого го-
лова не отвалилась.

– Ясно.

– Знаешь, я не помню о ком легенду слышал. Значит де-
ло было так, врач был от бога и лечил всех подряд значит,
тут к нему на прием мужик пришел, тот его осмотрел и го-
ворит. “Могу только яд дать, чтоб вы не мучились.” Мужик
расстроился, но мучится и в правду устал и говорит, давай.
Прошло некоторое время, и мужик этот к врачу пришел и
говорит. “Доктор, но как же так, вы же сказали, что я умру и
дали мне яд, а мне лучше стало.” А доктор ответил. “Скажи-
те, если я бы вам сказал, что надо выпить яд для излечения
вы бы выпили?” “Нет.” “Вот и ваш ответ.” Тут мой взор упал
на часы, и я сказал.

– Оба, время, вытаскивай попу давай из таза.

Она встала, обернувшись в полотенце.

– Занятная история. И откуда ты ее знаешь?

– Ты думаешь в деревне не образованные люди?

– Нет. Почему? Я просто спросила кто ее тебе рассказал.

– Не помню.

– А еще знаешь что-то подобное?

– Много чего. Но чуть позже. Я пока пойду вынесу воду.

Вынес воду, за одним выкурив сигарету, а дома сказал.

– Хорош про меня, ты лучше расскажи про себя.

– Что рассказать?

– Все что можно.

– Но родилась в Краснодаре, там же выросла. Работала в детском саду, куда водила свою дочь, воспитательницей. Мама работает в центральной библиотеке, библиотекарь. Папа был участковым милиционером. Старший брат сидит на зоне.

– За что?

– Наркоман, конченный.

– Не когда не видел наркоманов.

– Не видел? – кажется она была через чур удивлена.

– А где я их мог увидеть. Может и видел, когда в Красноярске в зоопарке был, но как их от простых людей отличить.

– Ну да, это для нас привычно, они повсюду. А ты часто в зоопарк ездил?

– За всю жизнь может раза два, еще раз в театре был, раз в цирке, и раза два на каруселях.

– А почему так мало?

– Мы выживали тут, в отличие от городских.

– Я в зоопарке по сей день два раза в год бываю с дочкой.

А гор сад раз в году. Вот цирк сама в детстве часто бывала, а дочь сейчас не могу сводить.

– Почему?

– Дорого.

– А что с отцом случилось?

– Наркоман застрелил.

– Жесть. Сочувствую.

– Нормально, эта боль давно утихла.

– Маш, а у тебя паспорт собой?

– Нет, а зачем? – она чуть удивилась.

– Вот придет весна, выберемся от сюда.

– Ну?

– А как ты хоть один билет купишь. Да и тебе не удастся сразу домой поехать, конечно, если не хочешь, чтоб меня закрыли с твоим братом.

– Почему?

– Как ты думаешь, тебя ищут?

– Конечно. – с уверенностью в голосе заявила она.

– Представь. Из неоткуда ты появилась со мной и что менты подумают?

– Ты меня похитил.

– Именно. – я воздел указательный палец вверх.

– Тогда да, надо будет вызвать ментов и привести их сюда.

Только так мы сможем доказать, что ты не похищал меня.

– Сможем. Просто расскажем правду.

– Не переживай, я сделаю все чтоб тебя не закрыли. Еще

не хватало чтоб тебя закрыли за мое спасения. И у меня нет денег на билет.

– Не смешно. Ты думаешь я тебе не дам на дорогу до дома?

– Просто не удобно как-то.

– Я говорил, что не удобно.

– Да менты и вправду попытаются свалить все на тебя. – скорее, как вопрос нежели утверждением сказала она.

– Я тоже об этом подумал. А Расскажи мне о дочке?

– Зачем?

– Мне нравится радость, с которой ты о ней говоришь.

– Юля, это самое лучшее событие моей жизни. Она родилась маленькой, ели грудь сосала, но сосала, потом до трех лет. Помню её первые шаг, как я тогда радовалась. А первое её мама, о какой я счастливой тогда была. Конечно, были и бессонные ночи, когда она болела, но Юля – это смысл моей жизни.

– Хочешь еще детей.

– Если только от такого мужчины как ты. А одна не хочу растить двоих.

– Ясно.

– Мне кажется, что бог не зря тебя привел ко мне.

Я чуть завелся.

– Бог говоришь. Это тот, что любит всех, и всех прощает?

– Да, бог один.

– Один говоришь? И читал ту книгу, что библией зовут и

там есть стих, в котором говорится. Я главный среди богов.
Как это тогда понимать?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.